

Алексей Каренин

ВАСИЛИЙ СИГАРЕВ

Пьеса по мотивам романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

Действующие лица:

Алексей Каренин

Анна

Граф Вронский

Сережа

Лидия Ивановна

Ландо

Княгиня Бетси

Степан Аркадьич

и другие.

Пролог

Дом Карениных в Петербурге. Ночь. Измученный Алексей Каренин, опустив голову, сидит на краешке стула в своем кабинете. В полумраке у окна светится папироска доктора. Лица доктора не видно. Вдруг раздается страшный крик. Каренин испуганно смотрит на доктора. Доктор оборачивается на крик, склонив голову на бок.

КАРЕНИН. Так надо?

Доктор молча выходит из кабинета. Каренин на цыпочках бежит следом. Вбегает в спальню, где в скомканной постели лежит Анна. Подходит к Анне.

Анна хватается его руки.

АННА. Не уходи, не уходи! Я не боюсь, я не боюсь! Возьми сережки. Они мне мешают. Ты не боишься? Скоро, скоро...

Каренин берет сережки, держит их в отставленной руке, вертит головой в поисках помощи от повитухи и доктора.

АННА. Нет, это ужасно! Я умру, умру! Поди, поди! *(Страшно кричит.)*

Каренин умоляюще глядит на доктора, освобождает руку и пятится к стене. Стоит там с раскрытым ртом.

ДОКТОР. Ничего, ничего, все хорошо...

Каренин, как растерянная женщина, прижимает руки ко рту. Анна снова кричит.

КАРЕНИН. Что же это? Что ж это?

ДОКТОР (*повитухе*). Кончается...

КАРЕНИН. Кончается... Кончается...

Доктор и повитуха что-то делают с Анной. Каренин прячется за штору, затыкает уши. Крик, суетня доктора и повитухи, торопливое дыхание. Наконец все смолкает.

ДОКТОР. Кончено...

Каренин заворачивается в штору. Доктор вынимает его из этого кокона, за талию ведет к постели. Каренин закрывает глаза руками.

ДОКТОР. Кончено уже... Вы чего же не смотрите?

КАРЕНИН. Кончено... Кончено...

Каренин пытается вырваться и убежать.

ДОКТОР. Смотрите, как все сделалось...

КАРЕНИН. Я не могу это...

ПОВИТУХА. Да еще мальчик.

КАРЕНИН. Пусть и мальчик... мне же чего?

АННА. Алексей, это мальчик.

Каренин открывает глаза. Видит Анну, что-то живое в руках повитухи.

АННА. Дайте мне его. Дайте, и он посмотрит.

ДОКТОР. Пойдите, мы прежде уберемся.

АННА. Дайте, дайте!

Анне протягивают ребенка в пеленке. Кладут ей на грудь.

ПОВИТУХА. Ну вот, пускай папа посмотрит.

ДОКТОР. Прекрасный ребенок!

АННА. Это Сережа. (*Каренину.*) Да, Алексей?

Ребенок лежит на груди Анны. Каренин смотрит на него почти с отвращением. Кладет свою голову рядом, утыкается лицом в грудь Анны. И только сейчас ребенок начинает плакать. А вместе с ним и Каренин.

Глава 1

Поезд медленно ползет вдоль перрона. Изрыгает клубы пара и пытит. Каренин смотрит в окна вагонов. Проплывают лица, силуэты. Вот лицо Анны, она разговаривает с попутчицей. Вот в соседнем вагоне знакомое лицо офицера. Каренин останавливается на нем, они встречаются взглядами. Долго смотрят друг на друга, пока офицер не скрывается из виду. Каренин, ворочая всем тазом и тупыми ногами, идет по перрону в сторону вагона Анны. Офицер, что смотрел на Каренина, заметив его, скрывается в вагоне. Каренин пытается разглядеть его, идет дальше. Анна выходит из вагона.

КАРЕНИН (*целует ей руку*). Хорошо доехала?

АННА. Хорошо.

КАРЕНИН. И как хорошо, что у меня именно было полчаса времени, чтобы встретить тебя, и что я мог показать тебе свою нежность.

АННА. Ты слишком уже подчеркиваешь свою нежность, чтоб я очень ценила.

КАРЕНИН. Что в Москве?

АННА. Степан Аркадьич сильно нашкодил с гувернанткой, и Долли теперь в трауре.

КАРЕНИН. В который это раз?

АННА. Чтобы так – впервые.

КАРЕНИН. Я не полагаю, что впервые...

АННА. Мне так жаль их обоих. Он хочет прощения, она – не может этого дать, но я попыталась сделать все...

КАРЕНИН. Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Вот ты вернулась, и мы теперь снова счастливая семья?

АННА. А каждая счастливая что же?

КАРЕНИН. Что есть сей вопрос?

АННА. Вольный дух Москвы.

КАРЕНИН. Вот уж не думал, что в Москве водится вольный дух.

АННА. Поверь, водится.

КАРЕНИН. Надеюсь, он не вскружил тебе голову?

АННА. Еще как вскружил.

КАРЕНИН. И что же теперь с этим духом делать? Как его изгонять?

АННА. Боюсь, он во мне крепко засел.

КАРЕНИН (*смеется*). Пока я чувствую только дух второго класса. Почему вас прицепили рядом? Весьма неудобное соседство. Пойдем?

АННА. Я и не заметила, что мы рядом.

КАРЕНИН. Полагаю, потому что скучала? Больше причин быть не может.

АННА. Возможно...

Говоря это, Анна глядит куда-то за спину Каренина. Каренин оборачивается. К ним идет офицер, что встретился с Карениным взглядом.

АННА (*как будто объясняется за свой взгляд*). Это граф Вронский.

Вронский подходит, кланяется.

ВРОНСКИЙ. Хорошо ли вы провели ночь?

КАРЕНИН. Довольно неплохо, невзирая на соседство.

АННА. Благодарю вас, очень хорошо. (*Каренину.*) Граф Вронский...

КАРЕНИН. А! Мы знакомы, кажется. Туда ехала с матерью, а назад с сыном. Вы, верно, из отпуска?

ВРОНСКИЙ. Да, возвращаюсь в полк.

КАРЕНИН. Что ж удачной службы. (*Анне.*) Много ли слез было пролито в Москве при разлуке?

ВРОНСКИЙ. Надеюсь иметь честь быть у вас.

КАРЕНИН (*не оборачиваясь*). Очень рад. По понедельникам мы принимаем.

Вронский, поклонившись, отходит. Анна старается не смотреть ему вслед.

АННА. Как Сережа?

КАРЕНИН (*почти язвительно*). Я вижу, что поездка твоя удалась.

АННА. Как Сережа?

КАРЕНИН. Сережа, а что Сережа... Мериег говорит, что он был мил очень и... я должен тебя огорчить... не скучал о тебе, не так, как твой муж. Какой, однако, дух! Пойдем.

Идут по перрону. Носильщик катит вещи Анны за ними.

КАРЕНИН. Какие ты еще привезла новости? Где бывала?

АННА. Была у Щербицких на балу.

КАРЕНИН. На балу?! Вот новость! Танцевала?

АННА. Ты же знаешь, я не танцую, когда можно не танцевать.

КАРЕНИН. И было можно?

Анна молчит.

КАРЕНИН. Вижу, было нельзя. И кто же эти счастливицы?

АННА. Я не танцевала...

КАРЕНИН. Ладно, пусть не танцевала. Принимали хорошо? Совсем не помню, как принято принимать в Москве...

АННА. По-московски.

КАРЕНИН. Надеюсь, это – хорошо. Какие еще новости?

АННА. Граф дал двести рублей вдове.

КАРЕНИН. Граф?

АННА. Граф Вронский.

КАРЕНИН. Очень похвально с его стороны. И что за счастливая вдова?

АННА. На станции поездом задавило сторожа...

Каренин затыкает уши.

КАРЕНИН. Только не эти страсти, Анна! Прощу! Ты же знаешь...

АННА. Может он бросился...

КАРЕНИН (*еще сильнее затыкает уши*). Анна!

АННА. Или пьян был... А я танцевала...

КАРЕНИН. Анна!

АННА. Я танцевала с графом...

КАРЕНИН. Анна, я не могу это слушать! Пожалуйста!

В этот момент трогается поезд. Анна замолкает, подходит близко-близко к составу и смотрит на вращение металлических колес. Каренин тоже смотрит. Снег под колесами закручивается в причудливые вихри. Сцепки поезда стонут, вопят, содрогаются. Каренин, словно представив что-то, отворачивается.

Глава 2

Кабинет Каренина в комитете. На столе кипы бумаг, Алексей Александрович корпит над ними. Что-то быстро записывает. Входит Лакей.

ЛАКЕЙ. Графиня Лидия Ивановна, ваше превосходительство.

КАРЕНИН. Пригласи.

ЛАКЕЙ. Чай в кабинет прикажете?

КАРЕНИН. Сделай.

Лакей распахивает дверь. Входит Лидия Ивановна. Каренин встает. Лидия Ивановна дожидается, пока Лакей закроет дверь, идет к Каренину.

КАРЕНИН. Очень рад, графиня.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Здравствуйте, Алексей Александрович.

КАРЕНИН. Садитесь, прошу.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Благодарю, друг мой.

Садится, Каренин – тоже.

КАРЕНИН. Ну-с, что вас привело в эту бумажную нору? Неужели и вы с просьбой?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нет, не просьба привела меня.

КАРЕНИН. А что же?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (помолчав). Алексей Александрович, вы знаете мои христианские убеждения и мое отношение к вам...

КАРЕНИН. Не поверите, но с этого начинают почти все просители.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Прошу вас, Алексей Александрович, это серьезно.

КАРЕНИН. Я вас слушаю.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Алексей Александрович, вы знаете мои христианские убеждения и мое отношение к вам... Искреннее отношение к вам. Отношение, которое я могу назвать больше, чем дружеским. Намного больше, чем дружеским. Это отношение воистину христианское и добродетельное. Не имея этого отношения к вам и не будучи радательной христианкой, я бы, по всей видимости, не пришла сегодня к вам и не говорила того, что говорю сейчас. Но будучи истинно христианских убеждений и имея к вам самое высокое отношение, я не могла ни придти и ни говорить того, что я говорю теперь. Вся моя христианская природа и все мое отношение к вам побудили меня решиться на это. Не позволили не приехать и молчать, и... (*Чуть сбилась.*)

КАРЕНИН. Что же вы хотели сказать?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Умоляю вас, Алексей Александрович! Дослушайте меня.

КАРЕНИН. Я слушаю, Лидия Ивановна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. В чем, вы полагаете, есть истинная цель христианства, друг мой?

КАРЕНИН. В служении богу, полагаю...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. В служении ближнему, Алексей Александрович, в служении ближнему истинная цель христианства. Подставь другую щеку и отдай рубаху, когда у тебя берут кафтан. Вы согласны?

КАРЕНИН. Согласен.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вот, Алексей Александрович, вот! И те же самые благодетельные чувства привели меня к вам. Только сугубо эти чувства и ничего более. Только самые светлые и благодетельные чувства, Алексей Александрович. Самые светлые и благодетельные.

КАРЕНИН. Я вас слушаю, Лидия Ивановна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Только прошу одно, Алексей Александрович, прошу несколько не сомневаться в моих христианских побуждениях и высоком к вам отношении.

КАРЕНИН. Я несколько не сомневаюсь, Лидия Ивановна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Так же прошу обещать мне оставить наши отношения в том же виде, что и до этого разговора.

КАРЕНИН. Обещаю.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Так вот... (*Многозначительно помолчала.*) Дело, которое привело меня к вам, касается вашей чести. А именно вас и Анны...

КАРЕНИН. Что же за дело?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Дело это неприятное и весьма щепетильное.

КАРЕНИН. В чем суть этого дела?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Суть этого дела в защите вашей чести.

КАРЕНИН. Каким образом вы хотите защитить мою честь и в чем она пострадала?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я хочу указать вам... Мой христианский долг и мое отношение к вам требуют указать вам...

Пауза.

КАРЕНИН. На что же ваш долг требует указать мне.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. На то, что... Будучи христианкой, я не могу ни указать вам на это...

КАРЕНИН. На что же, Лидия Ивановна?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я хочу обратить ваше внимание... Я заметила... И не только я... Я хочу указать вам на неприличное... Об этом даже говорят... И весьма говорят... Так вот, я хочу указать вам на это...

КАРЕНИН. На «это»?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я хочу указать вам на неприличное сближение вашей жены и графа... Вронского...

Долгое молчание. Лидия Ивановна пристально вглядывается в лицо Каренина. Оно не показывает никаких эмоций. Входит лакей с чаем.

ЛАКЕЙ. Чай для вашего превосходительства и графини.

Каренин кивает. Лакей расставляет приборы, наливает чай, уходит.

КАРЕНИН. Чаю, Лидия Ивановна?

Кладет сахар, долго мешает, бренча ложкой.

КАРЕНИН. Лимон не принес. Вы с лимоном пьете, Лидия Ивановна?

Лидия Ивановна отрицательно машет головой.

КАРЕНИН. Я тоже так пью. А зато сахар у нас свекольный, полезный.

Лидия Ивановна не шевелится.

КАРЕНИН. Как продвигается дело сестричек?

Лидия Ивановна кивает.

КАРЕНИН. Ну вот и славно. А у нас дело об орошении полей Зарайской губернии совсем хлопот много дало. Но это все злопыхатели. Знаем мы их... Но я им спускаю тоже никакого не дам. Помните дело об устройстве инородцев?

Лидия Ивановна отрицательно машет головой.

КАРЕНИН. Ах да! Откуда же. Так вот мы это дело сейчас поднимем, комиссию назначить потребуем... Вот гляньте, какие у меня бумажки на них есть.

Порылся в бумагах. Положил перед собой нужные.

КАРЕНИН. Вот они: за номерами 17015 и 18308, от 5 декабря 1863 года и 7 июня 1864, соответственно. Из этих бумаг следует, что действовали они прямо противоположно смыслу коренного и органического закона, а именно статье 18 и примечанию к статье 36. А?! Как вам?

Графиня кивает.

КАРЕНИН. То-то! Перчатка брошена, но я её смело поднимаю! А потом мы еще одну комиссию потребуем и разберем все со всех точек зрения: а) политической, б) административной, в) экономической, г) этнографической, д) материальной и е) религиозной... А?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я, пожалуй, пойду...

КАРЕНИН. Желаю здравствовать!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. До свидания.

КАРЕНИН. И вам того же. А чай, Лидия Ивановна?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. В другой раз.

КАРЕНИН. Милости прошу.

Лидия Ивановна кланяется, уходит. Улыбка застывает на лице Каренина.

Глава 3

Дом Карениных. Анна делает шпильками прическу перед зеркалом. Входит Каренин в наряде и пальто, садится в кресло.

КАРЕНИН. Ты куда-то едешь?

АННА. К княгине Бетси. А ты как всегда в комитете допоздна?

КАРЕНИН. Я сегодня свободен.

АННА. Поедешь к Лидии Ивановне?

КАРЕНИН. Хочется более веселого общества...

АННА. Неужели! И что это за общество, куда ты едешь? Только не говори, что в клуб, зная тебя, ни за что не поверю.

КАРЕНИН. А почему бы и не в клуб?

Анна оборачивается, смеется.

АННА. Алексей Александрович, что с тобой? Кто это, ты ли это?

КАРЕНИН. Полагаю, меня еще рано списывать со счетов...

АННА. Боже упаси, я и не думала тебя списывать. Но клуб выше моего понимания.

КАРЕНИН. Положим не в клуб, но к княгине Бетси я вполне могу поехать. С тобой...

АННА. Со мной? К Бетси? Вот номер.

КАРЕНИН. Почему же номер? Ведь мы с тобой нигде не были после твоего возвращения.

АННА. Но ты – и к Бетси. Ты же не слишком одобряешь это общество, а тут...

КАРЕНИН. Теперь я другого мнения.

АННА. И что же случилось теперь?

КАРЕНИН. Не знаю, что такого можно привезти из Москвы, но это передалось и мне.

АННА. Что же такого особенного я могла привезти?

КАРЕНИН. Понятия не имею, но чувствую себя окрыленным. Может – это дух свободы, который и мне вскружил голову...

Анна смеется.

КАРЕНИН. Готов даже танцевать.

АННА. О!

КАРЕНИН. И амбиции, как двадцать лет сбросил.

АННА. Ты и так не стар.

КАРЕНИН. Ты льстишь мне.

АННА. Нисколько.

КАРЕНИН. Я прекрасно знаю свой возраст, и дай бог каждому дожить до него, сохранив и обретя с моё.

АННА. Приятно, что ты умеешь этим гордиться. Знаю других, которые всячески этого чураются.

КАРЕНИН. Такое исключительно от глупости. Как можно пренебрегать заслуженной мудростью? Но там видимо ничего этого нет.

АННА. Надеюсь, твоя мудрость поможет тебе сегодня выиграть.

КАРЕНИН. Что же я могу выиграть сегодня? Будут игры?

АННА. Ты разве не будешь играть в клубе?

КАРЕНИН (*замявшись*). ...Я думал мы...

АННА. К сожалению, я не смогу составить тебе компанию. Я уже договорилась с Бетси. Ты же был несерьезен, когда говорил о готовности поехать к ней?

КАРЕНИН. ...Может быть...

АННА. Я так и думала. Было бы мило ехать к Бетси вместе, но зная твое к ней отношение, вынуждена быть на твоей стороне. Все же я рада, что ты решил попробовать и эту сторону жизни. Без страсти скучно и душно.

Анна встает, накидывает башлык.

АННА. Едем?

КАРЕНИН (*как-то обреченно*). Едем.

Идут из комнаты. По лестнице.

АННА. Что ты теперь читаешь?

КАРЕНИН. Герцога де Лиля...

АННА. Хорош?

КАРЕНИН. Мне любое чтение хорошо.

АННА. Завидую твоему умению во всем находить хорошее. Для меня добрая половина книг жуткая скука.

КАРЕНИН. Это только дело привычки.

АННА. Надеюсь, клуб не станет одной из них?

КАРЕНИН. Ничего не случится, если оставить клуб на другой раз...

АННА. Ни в коем случае! Ничего не бойся, вдохни этого воздуха и будь свободен...

КАРЕНИН. Ты права, но все же может мне лучше так сказать, перебороть гордыню...

АННА. Не разочаровывай меня, Алексей Александрович, не разочаровывай.

Они выходят на улицу. Идет снег.

КАРЕНИН. Боюсь, в такую погоду клуб будет пуст...

АННА. Чур, я возьму Кондратия...

Бежит к карете, впархивает, исчезает. Карета трогается и скрывается из вида. Каренин стоит на лестнице. Хочет уйти в дом (швейцар даже открывает ему дверь), но вдруг решительно направляется к своей карете.

КАРЕНИН. Езжай на Невский.

Садится. Карета едет по свежему снегу. Каренин смотрит в окно. Люди за окном, облепленные мокрым снегом, двумя густыми встречными потоками идут по своим делам. Каренин видит среди них Анну. Еще одну. Еще. Кисти её башлыка то возникают, то снова исчезают в толпе. Каренин высовывается.

КАРЕНИН. Поезжай к княгине Бетси.

Карета неуклюже разворачивается и едет в обратную сторону. Каренин пересаживается на другую сторону, обратно. Снова пересаживается, пока карета не подъезжает к дому княгини. Каренин не выходит, смотрит в окна. Подъезжает еще одна карета гостей. Из неё выходят две фигуры, похожие на тени.

ПЕРВАЯ. Анна очень переменялась с своей московской поездки. В ней есть что-то странное.

ВТОРАЯ. Перемена главная та, что она привезла с собою тень Алексея Вронского.

ПЕРВАЯ. Да что же? У Гримма есть басня: человек без тени, человек лишен тени. И это ему наказание за что-то. Я никогда не могла понять, в чем наказание. Но женщине должно быть неприятно без тени.

ВТОРАЯ. Да, но женщины с тенью обыкновенно дурно кончают.

ПЕРВАЯ. Типун вам на язык. Каренина прекрасная женщина. Мужа ее я не люблю, а ее очень люблю.

ВТОРАЯ. Отчего же вы не любите мужа? Он такой замечательный человек. Муж говорит, что таких государственных людей мало в Европе.

ПЕРВАЯ. И мне то же говорит муж, но я не верю. Если бы мужья наши не говорили, мы бы видели то, что есть, а Алексей Александрович, по-моему, просто глуп. Я шепотом говорю это... Не правда ли, как все ясно делается? Прежде, когда мне велели находить его умным, я все искала и находила, что я сама глупа, не видя его ума; а как только я сказала: – он глуп, но шепотом, – все так ясно стало, не правда ли?

Фигуры заходят в дом княгини. Каренин снова шарит взглядом по окнам. И вот оно: на диванах друг против друга сидят Анна и Вронский. Их лица неприлично близки. Вронский что-то говорит Анне. Та, вспыхивая огоньками глаз, что-то отвечает ему. Смеется. Каренин отворачивается.

КАРЕНИН. Езжай...

Карета трогается. Каренин долго сидит без движения.

КАРЕНИН. Это необходимо решить и прекратить, высказать свой взгляд на это и свое решение. Сказать ей. Высказать... Но что высказать? Какое решение? И что такого случилось? Ничего. Пустяк. Она говорила с ним. Пусть. Мало ли с кем можно говорить? И потом, ревновать – значит унижать и себя, и ее. Но почему они были так близко? Это чрезвычайно близко, как они сидели. К тому же он молод. Да, это необходимо решить и прекратить и высказать свой взгляд. Стой!

Карета останавливается.

КАРЕНИН. Что же делать? Я должен обдумать, решить и отбросить. Да они сидели неприлично близко и что из того. Так каждый может оказаться и ничего. Допустим, Лидия Михайловна сидела через стол от меня недавно. Это тоже весьма близко. (Протянул руку, представляя размер стола.) И что из того? Зачем она приходила, я так и не понял, но все же... Что же случилось? Ничего... Езжай!

Карета поехала.

КАРЕНИН. Единственное, что он молод. И видимо это ей приятно. И что? Только ей самой решать, что ей приятно. И как она решит, так тому и быть. Он молод, и она имеет право... Стой!

Карета останавливается.

КАРЕНИН. Почему же только ей решать? Она в браке и должна уважать брак. А я как глава семьи, лицо обязанное руководить ею, и потому лицо ответственное. Я должен указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть. Я должен ей высказать. Я должен ей высказать. Я не вижу причины не высказать ей. Это не ревность, это – добрый совет... Я выскажу ей это как совет... Я выскажу ей это как совет... Да, как совет... Езжай!

Карета трогается и исчезает в метели.

Глава 4

Дом Карениных. Полночь. Каренин сидит в верхней одежде в передней.

КАРЕНИН (*сам с собой, будто кого-то передразнивает*). Граф дал двести рублей вдове... И что же? Это не героизм. Можно поехать и дать этой вдове три сотни. Что из того? Я веду сотню дел в год, меня уважают. Единственное – он молод... (*Встает, снова садится.*) Да, это необходимо решить и прекратить, высказать свой взгляд на это и свое решение. Необходимо высказать свое решение...

Молчит. В дом входит Анна, играя кистями башлыка и вспылками шампанского в глазах. Не замечает Каренина, идет по лестнице. Каренин встает, хочет позвать ее, не может пересилить себя. Анна поднимается.

КАРЕНИН (*негромко*). Анна...

Анна чуть останавливается, словно ей что-то показалось.

КАРЕНИН (*смелее*). Анна, мне нужно поговорить с тобой.

Анна оборачивается, глядявается в полумрак передней.

АННА. Ты не в постели? Вот чудо! Пора, Алексей Александрович, пора.

Скидывает башлык, идет дальше.

КАРЕНИН. Анна, мне нужно поговорить.

АННА (*не оборачиваясь*). Со мной?

КАРЕНИН. Мне нужно поговорить, Анна.

Анна оборачивается, садится на лестнице.

АННА. Ну, давай поговорим, если так нужно. А лучше бы спать. Ты проиграл?...

КАРЕНИН. Анна, я должен предостеречь тебя...

АННА (*почти усмехается*). Предостеречь? В чем?

Каренин мнется.

АННА. Так в чем же ты меня хотел предостеречь, Алексей Александрович?

КАРЕНИН. Ты приехала другая, Анна.

АННА. И в этом ты хотел предостеречь меня?

КАРЕНИН. Я хочу предостеречь тебя в другом... И вернулась легкомысленная.

АННА. Разве это достойно предостережений.

КАРЕНИН. Я хочу предостеречь тебя в том, что по неосмотрительности и легкомыслию ты можешь подать в свете повод говорить о тебе. Твой слишком оживленный разговор сегодня с графом Вронским обратил на себя внимание.

АННА. Вот как. Ты разве был у княгини? Я тебя не видела.

КАРЕНИН. Я там не был.

АННА. Так в чем же дело? Тебе донесли?

КАРЕНИН. Я слышал разговор.

АННА. Ты веришь разговорам?

Пауза.

АННА. Полагаю, вера в то, что говорят в свете, – удел далеко не мужчин. Потому мне весьма интересно: ты веришь в то, что говорят обо мне?

КАРЕНИН. Я не верю...

АННА. Но только что были твои слова: я слышал разговор... Я могу это понимать только, как то, что ты веришь всему, что говорят в свете.

КАРЕНИН. Ты не правильно это понимаешь.

АННА. А как прикажешь это понимать?

Каренин подходит, садится на лестнице рядом.

АННА. Алексей Александрович, объясни мне, как я должна понимать твои слова. Ты веришь разговорам?

КАРЕНИН. Нет...

АННА. Так в чем же дело?

КАРЕНИН. Анна...

АННА. Анна.

КАРЕНИН. Анна...

Пытается прижаться к ней головой.

АННА (*отстраняется*). Пожалуйста, не жмись, я так не люблю.

КАРЕНИН (*отсаживается*). Анна, ты ли это?

АННА. Я.

КАРЕНИН. Анна...

АННА. Анна.

Каренин снова делает движение головой к её груди. Анна хохочет, подскакивает.

АННА. Да что ж это такое? Что тебе от меня надо?

Каренин встает, идет вниз.

АННА. Так ты выиграл или проиграл сегодня?

КАРЕНИН. Проиграл...

АННА. Тогда все понятно? Я могу спать?

Каренин грузно садится на кушетку.

АННА. Проигрывать надо уметь, Алексей Александрович?

КАРЕНИН. Я еще не старик...

АННА. И кто же назвал тебя стариком? Кто-то в клубе?

КАРЕНИН. «Пора, Алексей Александрович, пора» – говорят старикам.

АННА. Вот оно... Раз так – прошу прощения. Никогда не думала, как говорят старикам. Как еще говорят старикам, чтобы впредь не ставить тебя в неловкое положение?

КАРЕНИН. Еще говорят, что она привезла с собою тень Алексея Вронского...

АННА. Раз вы все-таки верите в то, что говорят, я готова спросить: и кто же она?

КАРЕНИН. Разве не понятно.

АННА. Решительно не понятно. Так кто же она?

Каренин молчит.

АННА. Ну-с, я слушаю.

Каренин не отвечает.

АННА. И даже с интересом слушаю, кто же она...

КАРЕНИН. Твои чувства – это дело твоей совести...

АННА. Это так, и моя совесть молчит.

КАРЕНИН. ...но я обязан пред тобою, пред собой и пред богом указать тебе твои обязанности. Жизнь наша связана и связана не людьми, а богом. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечет за собой тяжелую кару.

АННА. Ты нездоров, Алексей Александрович. А мне как на беду спать хочется.

КАРЕНИН. В таком случае я прошу тебя извинить меня.

АННА. Ты прощен. Я могу идти?

КАРЕНИН. Иди...

АННА. Да и тебе пора, Алексей Александрович, пора. И учись проигрывать...

*Взбегает по лестнице. Каренин остается один. Он немигающими глазами
вглядывается в темный угол передней.*

***

Там одна за другой вспыхивают искры какого-то неведомого бала. Появляются люди в белых фраках и роскошных платьях. Они все молоды, свежи и прелестны. Звучит вальс. Люди начинают тур. Среди них Анна и Вронский. Они кружатся в танце. Их лица близко-близко друг от друга. Каренин тяжело встает и идет к ним. Подходит совсем близко. Смотрит.

АННА. Что нужно этому старику?

ВРОНСКИЙ. А право не знаю...

АННА. Он так смотрит на нас. Скажите ему...

ВРОНСКИЙ. Что вам угодно?

КАРЕНИН. Это моя жена...

ВРОНСКИЙ. Он говорит, что вы его жена.

АННА. А что же у него уши так выдаются, если он мой муж? Мой муж не может быть с такими ушами. Я не могу любить такого.

ВРОНСКИЙ. Она говорит, что у вас уши выдаются.

Каренин трогает свои уши.

КАРЕНИН. Я обстригся...

ВРОНСКИЙ. Он обстригся.

АННА. Крайне неудачно обстригся этот старик, скажите ему.

КАРЕНИН. Я всегда так стригся.

АННА. Что же из того?

КАРЕНИН. Не знаю...

АННА. Так идите и обстригитесь иначе.

КАРЕНИН. Сейчас ночь...

АННА. Обстригитесь завтра. Только не ходите так. Это противно.

КАРЕНИН. Я обстригусь. Завтра...

И тут с криками: «Дорогу молодежи!» Каренина сметает толпа танцующих.

***

Он обнаруживает себя упавшим с кушетки. Все так же в пальто. Светает. По лестнице спускается Сережа в ночном платье. У него взъерошенные ото сна волосы.

СЕРЕЖА. Папа, ты разве тут спал?

Каренин непонимающим взглядом оглядывает переднюю. Сережа подходит к нему.

СЕРЕЖА. Почему ты спал тут?

КАРЕНИН. Я, Сережа... Я, Сережа, тут не спал... Я, Сережа...

Обнимает Сережу, долго молчит.

КАРЕНИН. Сережа, правда, у меня уши сильно выдаются?

Сережа смотрит на ухо Каренина.

СЕРЕЖА. Не сильно. Но у тебя на ухе волосы, папа...

Каренин, хмыкнув, пытается прикрыть ухо прической.

Глава 5

Дом Карениных. Каренин, Анна и Сережа сидят за завтраком. Анна заигрывает с Сережей, пуляет в него каплей воды с пальца, который мочит в бокале. Сережа смеется. Каренин молчит. Ест.

КАРЕНИН. Я вчера говорил тебе нехорошее...

АННА (*пуляет в Сережу*). Говорил.

КАРЕНИН. Так знай, я признаю ревность чувством оскорбительным и унижительным и никогда больше не позволю себе руководиться этим чувством.

АННА. О чем ты? Ты разве ревнуешь? Как ты мил в этом... Ты слышишь это, Сережа, папа ревнует...

Сережа смотрит на Каренина так, словно тот редкостный чудак.

КАРЕНИН. Я не сказал, что ревную. То была минутная слабость.

АННА. Надеюсь, она прошла?

КАРЕНИН. Прошла, но я очень просил бы тебя, никогда более не переступать законов приличия...

АННА. Полагаю, мы вернулись к началу. Какие же законы я нарушила?

КАРЕНИН. Я не хочу говорить об этом при Сереже.

АННА. От чего же? Сереже полезно знать, какие есть законы и какие из них нехорошо нарушать. Правда, Сережа?

Брызгает в Сережу каплей воды. Сережа кивает, смеется.

КАРЕНИН. Я думаю, тебе известны эти законы.

АННА. А Сереже, полагаю, не известны... Да, Сережа?

СЕРЕЖА. Не известны.

КАРЕНИН. А вы, молодой человек, не встревайте, когда разговаривают взрослые.

АННА. Почему же он должен молчать, когда я его спросила?

КАРЕНИН. Хотя бы из уважения.

АННА. Полагаю, невежливо не отвечать на вопрос, а не иначе. Или Алексей Александрович не согласен?

КАРЕНИН. Я согласен, но...

АННА. И какие же могут быть в этой ситуации «но»?

КАРЕНИН. Ты права – никаких.

АННА. А мне кажется, что я далеко не права.

КАРЕНИН. Анна, ради бога...

АННА. Ради бога что?

КАРЕНИН. Прощу извинить меня, если было что-то неприятное в моих словах.

АННА. Что же неприятного может быть в словах о приличии?

КАРЕНИН. Возможно, я не подобрал правильных слов...

АННА. Отчего же?

КАРЕНИН. Сейчас мне так кажется. Но, полагаю, этот разговор необходимо закончить.

АННА. Очень любезно с твоей стороны. Однако не хотелось бы возвращаться к этому впредь.

Ждет реакции.

КАРЕНИН (*через продолжительную паузу*). Я обещаю не возвращаться к этому.

АННА. Ну вот и славно...

*Пуляет в Каренина каплей, попадает в глаз. Каренин
вздрагивает, трет глаз пальцем. Сережа смеется.*

АННА (*встает*). Ну, мне пора. Ты едешь сегодня в
комитет? Я буду у Бетси...

*Целует Сережу, выходит. Каренин, продолжая тереть глаз,
глядит ей вслед.*

СЕРЕЖА. Папа, тебе разве больно? Это же вода...

Каренин зло смотрит на Сережу.

КАРЕНИН. Подойдите сюда, молодой человек.

СЕРЕЖА. Я – Сережа.

КАРЕНИН (*твердо*). Пойдите сюда, молодой человек.

Сережа подходит.

КАРЕНИН. Вам разве не говорили, что...

*Вдруг щиплет Сережу за ляжку. Тот вскрикивает и бежит прочь.
Каренин с ужасом смотрит на свою руку, ущипнувшую сына.
Подскакивает и бежит за Сережей.*

КАРЕНИН. Сережа! Сережа! Я не хотел! Сережа!

Анна с ревущим Сережей идут к нему навстречу.

АННА. Что вы сделали ему?!

КАРЕНИН. Это случайно... Я не хотел... Сережа, прости меня. Нагибается к
Сереже, тот прячется за мать.

АННА. Что ты ему сделал?

КАРЕНИН (*краснея, протягивает виноватые пальцы*). Я ущипнул...

АННА. Зачем?

КАРЕНИН. Он смеялся надо мной.

АННА. Он смеялся над тобой, и ты его ущипнул?

КАРЕНИН. Ущипнул...

АННА. Похоже, ты очень сильно помолодел, Алексей Александрович.
Очень. Пошли, Сережа.

*Уходят. Каренин хочет им что-то сказать, но не находит слов,
опускается на стул. Смотрит на свои пальцы, крестится,*

закрывает лицо руками. Долго так сидит. Мимо него проходят одетые Анна и Сережа. Сережа не сводит глаз с отца.

АННА. Поезжай в комитет.

Каренин открывает лицо, кивает.

КАРЕНИН. Вот и к лучшему... При Сереже она не посмеет.

Встает, идет в кабинет. Настроение его намного лучше.

Глава 6

Дом Карениных. Комната Сережи. Ночь. Сережа спит в своей постели. Каренин тихонько открывает дверь, входит, садится на прикроватный стул. Склоняется над сыном. Трогает его за плечо.

КАРЕНИН. Сережа... Сережа...

Сережа открывает глаза, шарахается.

СЕРЕЖА. Не щипли меня...

КАРЕНИН. Я не буду, Сережа. Я пришел попросить прощения. Ты простишь меня?

СЕРЕЖА. Зачем ты меня щипал?

КАРЕНИН. Я не знаю, Сережа... Из-за мамы...

СЕРЕЖА. Что она брызнула в тебя? Так то не я же. Её и щипли.

КАРЕНИН. Её я не могу, Сережа.

СЕРЕЖА. Почему?

КАРЕНИН. Я, Сережа, слабый. Совсем слабый.

СЕРЕЖА. Потому только слабых щиплешь?

КАРЕНИН. Полагаю, потому. Ты простишь меня, Сережа?

СЕРЕЖА. Прощу. Только не щипли больше.

КАРЕНИН. Не буду, Сережа. Простил?

СЕРЕЖА. Простил. А мама, видать, сильная, раз ты её не щиплешь?

КАРЕНИН. Думаю, да.

СЕРЕЖА. Значит, видать, сильнее тебя?

КАРЕНИН. Думаю, что сильнее.

СЕРЕЖА. А чего ж ты на ней женился – на такой сильной?

КАРЕНИН. Я люблю её, Сережа.

СЕРЕЖА. А она тебя не любит, видать?

КАРЕНИН. Почему же?

СЕРЕЖА. Слабых разве можно?

КАРЕНИН. Можно.

СЕРЕЖА. Я слабых не люблю.

КАРЕНИН. А меня?

СЕРЕЖА (задумался). То – другое. Ты же папа.

КАРЕНИН. Вот видишь... Любовь разная, Сережа. Значит и мама меня любит.

Сережа сел на постели.

СЕРЕЖА. А почему ты старый, а мама – молодая?

КАРЕНИН. Я не старый.

СЕРЕЖА. А какой же тогда?

КАРЕНИН. Я, Сережа, ...другой...

СЕРЕЖА. Какой другой?

КАРЕНИН. Пожилой...

СЕРЕЖА. Это как так?

КАРЕНИН. Пожил когда... Ты, Сережа, не спрашивай меня об этом. Давай, лучше я тебя спрошу...

СЕРЕЖА. Про что ты меня спросишь?

КАРЕНИН (голос его задрожал). Ну, вот про маму спрошу...

СЕРЕЖА. Что же про маму?

КАРЕНИН. Где вы с ней бывали, спрошу...

СЕРЕЖА. В гостях бывали.

КАРЕНИН. В хороших гостях?

СЕРЕЖА. Не знаю, меня с нянькой нерусской оставляли.

КАРЕНИН. А мама что же?

СЕРЕЖА. А мама в другие гости тогда ездила.

КАРЕНИН. Это куда же?

СЕРЕЖА. А я почему знаю? Мне не говорили. Я с нянькой был.

КАРЕНИН. И что же нянька?

СЕРЕЖА. Нехорошая. Луком пахла.

КАРЕНИН. Луком пахла? Это скверно... А мама скоро возвратилась?

СЕРЕЖА. Не скоро. Темнело уже.

КАРЕНИН. И вы, что же – домой поехали?

СЕРЕЖА. Поехали, а потом остановились, и мама плакала.

КАРЕНИН. От чего ж она плакала?

СЕРЕЖА. Не говорила от чего. Только: «Боже мой» да «Боже мой» говорила. «Прости меня» да «Прости меня» говорила.

КАРЕНИН. «Прости меня» говорила?

СЕРЕЖА. Много раз «Прости меня» говорила.

КАРЕНИН. А кто ж прости-то?

СЕРЕЖА. Я не понял. Бог, наверно.

КАРЕНИН. Бог, думаешь?

СЕРЕЖА. Бог, думаю.

Молчат.

КАРЕНИН. Вот, Сережа...

СЕРЕЖА. Что?

КАРЕНИН. А про меня ничего не говорила?

СЕРЕЖА. Не говорила.

КАРЕНИН. Не говорила, думаешь?

СЕРЕЖА. Слышал – не говорила.

КАРЕНИН. Ну не говорила, так и не говорила... Ты, Сережа, ей тоже не говори.

СЕРЕЖА. Что же мне не говорить?

КАРЕНИН. Что я тебя спрашивал, не говори.

СЕРЕЖА. А что прощения ты просил, можно говорить?

КАРЕНИН. Это скажи.

СЕРЕЖА. А что тебе их нянька тоже плоха, говорить?

КАРЕНИН. Которая нянька?

СЕРЕЖА. Что луком пахла?

КАРЕНИН. Этого, Сережа, говорить не надо.

СЕРЕЖА. Почему же?

КАРЕНИН. Ты, Сережа, просто не говори. Не надо.

СЕРЕЖА. Ежели не скажу, то могут снова ей отдать.

КАРЕНИН. Не отдадут.

СЕРЕЖА. Обещаешь?

КАРЕНИН. Обещаю. Ты, Сережа, ложись. Ложись.

Сережа ложится.

СЕРЕЖА. А ты что же?

КАРЕНИН. А я пойду, пойду...

Встает, медленно идет из комнаты.

СЕРЕЖА. А ты почему так ходишь?

КАРЕНИН. Как, Сережа, я хожу?

СЕРЕЖА (*лежа показывает колченогость*). Вот как дед...

КАРЕНИН. Я не так хожу, Сережа...

СЕРЕЖА. Так. Смешно.

КАРЕНИН. Я не так хожу.

Выходит, закрывает дверь. Стоит в коридоре перед зеркалом. Глаза его блестят. Пытается идти на месте, глядя в зеркало. Получается еще нелепее, чем на самом деле. Разглядывает уши. Снова ходит на месте. Опять разглядывает уши. Идет, изучает уши. Стоит перед зеркалом. Наконец, идет в спальню. Анна спит в своей постели. Каренин подходит к ней, хрустя костями, садится на корточки, чуть не завалившись, опускается на колени. Кладет голову ей на грудь. Анна не просыпается.

КАРЕНИН. Я твой муж... Я прощу... Все прощу... Я прощаю...

Глава 7

Спальня. Утро. Каренин под одеялом. Анна стоит над ним.

АННА. Алексей Александрович, это срочное...

Каренин открывает глаза, смотрит на неё.

АННА. Вы позволили себе крайнее...

Каренин моргает, пытаясь вспомнить, что он себе позволил.

АННА. Вы зашли слишком далеко в своих подозрениях. Вы не должны были вмешивать Сережу в это дело. Но теперь сделано, и я вынуждена просить вас перевезти меня на дачу. Вместе с Сережей.

КАРЕНИН. Анна...

АННА. Полагаю, это принесет облегчение всем.

КАРЕНИН. Я одно спросил... хороша ли няня у княгини...

АННА. Вы не одно это спросили. И вы сами знаете, что вы спросили. Это дурно пытаться мальчика подобным.

КАРЕНИН. Няня пахла луком... он сказал...

АННА. Алексей Александрович, вы смешны в своих оправданиях. Я хочу ехать сегодня. Вы устройте?

КАРЕНИН. Анна...

АННА. Со своей стороны вы сможете видеть нас когда угодно. Это подойдет?

КАРЕНИН. Я одно спросил, клянусь. А он и давай рассказывать...

АННА. Алексей Александрович, побойся бога клеветать на ребенка.

КАРЕНИН. Клянусь...

АННА. Ты устройшь наш отъезд?

КАРЕНИН. Я больше не стану этого...

АННА. Полагаю, здесь необходимо кончить. Мы уезжаем сегодня.

Решительно вышла из спальни. Каренин откинул одеяло. Он в одежде и даже в обуви. Недоуменно смотрит на себя, садится. Снимает ботинки...

КАРЕНИН. Да что же это...

Подскакивает, босиком идет в коридор, видит Сережу с деревянной лошадкой в руках. Сережа вжимается в стену. Каренин

смотрит на него как на соперника. Анна выходит из комнаты.

АННА. Щипать станете, Алексей Александрович? Щипите!

КАРЕНИН (*вдруг, решительно*). Не стану. Я только одного прошу. Раз все приобрело такие краски. Я прошу вас держаться рамок приличия и не позволять злым языкам чернить мое и ваше имя. Я даю вам свое согласие на ваш отъезд только с этим условием. Вы мне обещаете?

АННА. Обещаю.

КАРЕНИН. Я распоряжусь по вашему отъезду.

АННА. Благодарю вас.

Каренин, не взглянув на Серезу, разворачивается и уходит в спальню. Там он переодевается в ночное и ложится под одеяло. Долго смотрит в потолок. Накрывается с головой.

Глава 8

Ночь. Каренин со свечей идет по коридору. Он в одних штанах и слегка пьян. Заходит в спальню, берет с тумбы толстую книгу. Сидя читает, тыча свечой почти в самые страницы. Вдруг начинает читать вслух. Коряво, нескладно, почти по-детски.

КАРЕНИН. «Он не знал, поздно ли, рано ли. Свечи уже все догорали. Долли только что была в кабинете и предложила доктору прилечь. Левин сидел, слушая рассказы доктора о шарлатане магнетизере, и смотрел на пепел его папироски. Был период отдыха, и он забылся. Он совершенно забыл о том, что происходило теперь. Он слушал рассказ доктора и понимал его. Вдруг раздался крик, ни на что не похожий. Крик был так страшен, что Левин даже не вскочил, но, не переводя дыхания, испуганно-вопросительно посмотрел на доктора. Доктор склонил голову набок, прислушиваясь, и одобрительно улыбнулся. Все было так необыкновенно, что уж ничто не поражало Левина. «Верно, так надо», – подумал он и продолжал сидеть. Чей это был крик? Он вскочил, на цыпочках вбежал в спальню, обошел Лизавету Петровну, княгиню и стал на свое место, у изголовья. Крик затих, но что-то переменилось теперь. Что – он не видел и не понимал и не хотел видеть и понимать. Но он видел это по лицу Лизаветы Петровны: лицо Лизаветы Петровны было строго и бледно и все так же решительно, хотя челюсти ее немного подрагивали и глаза ее были пристально устремлены на Кити. Воспаленное, измученное лицо Кити с прилипшею к потному лицу прядью волос было обращено к нему и искало его взгляда. Поднятые руки просили его рук. Схватив потными руками его холодные руки, она стала прижимать их к своему лицу.

– Не уходи, не уходи! Я не боюсь, я не боюсь! – быстро говорила она.
– Мама, возьмите сережки. Они мне мешают. Ты не боишься?
Скоро, скоро, Лизавета Петровна...

Она говорила быстро, быстро и хотела улыбнуться. Но вдруг лицо ее искажилось, она оттолкнула его от себя.

– Нет, это ужасно! Я умру, умру! Поди, поди! – закричала она, и опять послышался тот же ни на что не похожий крик.

Левин схватился за голову и выбежал из комнаты.

– Ничего, ничего, все хорошо! – проговорила ему вслед Долли.

Но, что б они ни говорили, он знал, что теперь все погибло. Прислонившись головой к притолоке, он стоял в соседней комнате и слышал чей то никогда не слыханный им визг, рев, и он знал, что это кричало то, что было прежде Анной. Уже ребенка он давно не желал. Он теперь ненавидел этого ребенка. Он даже не желал теперь ее жизни, он желал только прекращения этих ужасных страданий.

– Доктор! Что же это? Что ж это? Боже мой! – сказал он, хватая за руку вошедшего доктора.

– Кончается, – сказал доктор. И лицо доктора было так серьезно, когда он говорил это, что Алексей Александрович понял: кончается в смысле – умирает.

Не помня себя, он вбежал в спальню. Первое, что он увидел, это было лицо Лизаветы Петровны. Оно было еще нахмуренное и строже. Лица Анны не было. На том месте, где оно было прежде, было что-то страшное и по виду напряжения и по звуку, выходявшему оттуда. Он припал головой к дереву кровати, чувствуя, что сердце его разрывается. Ужасный крик не умолкал, он сделался еще ужаснее и, как бы дойдя до последнего предела ужаса, вдруг затих. Алексей Александрович не верил своему слуху, но нельзя было сомневаться: крик затих, и слышалась тихая суетня, шелест и торопливые дыхания, и ее прерывающийся, живой и нежный, счастливый голос тихо произнес: «Кончено».

Он поднял голову. Бессильно опустив руки на одеяло, необычайно прекрасная и тихая, она безмолвно смотрела на него и хотела и не могла улыбнуться.

И вдруг из того таинственного и ужасного, нездешнего мира, в котором он жил эти двадцать два часа, Алексей Александрович мгновенно почувствовал себя перенесенным в прежний, обычный мир, но сияющий теперь таким новым светом счастья, что он не перенес его. Натянутые струны все сорвались. Рывания и слезы радости, которых он никак не предвидел, с такою силой поднялись в нем, колебля все его тело, что долго мешали ему говорить.

Упав на колени пред постелью, он держал пред губами руку жены и целовал ее, и рука эта слабым движением пальцев отвечала на его поцелуи. А между тем там, в ногах постели, в ловких руках Лизаветы Петровны, как огонек над светильником, колебалась жизнь человеческого существа, которого никогда прежде не было и которое так же, с тем же правом, с тою же значительностью для себя, будет жить и плодить себе подобных.

– Жив! Жив! Да еще мальчик! Не беспокойтесь! – услышал Алексей Александрович голос Лизаветы Петровны, шлепавшей дрожавшею рукой спину ребенка... шлепавшей дрожавшею рукой спину ребенка...»

Каренин плачет. Книга валится из его рук. Свеча дрожит. Он кое-как ставит ее на тумбу. Поднимается на ослабших ногах, подходит к пустой постели Анны.

КАРЕНИН (*задыхаясь от слез*). ...шлепавшей дрожавшею рукой спину ребенка...

Сооружает из одеяла что-то отдаленно похожее на женскую фигуру. Торжествуя оглядывает это свое творение. Улыбается заплаканным лицом. Ложится рядом, прижимается, утыкается лицом туда, где, по его мнению, должна находиться грудь. И через секунду засыпает.

Глава 9

Увешанный портретами кабинет Лидии Ивановны. На круглом столе накрыта скатерть, стоит китайский прибор и серебряный спиртовой чайник. Лидии Ивановны нет. Каренин мнетя в её ожидании, не находя покоя рукам. Под шум шелкового платья появляется графиня. Каренин встает. Лидия Ивановна проходит за стол, и они оказываются в том самом положении, что и в предыдущую их встречу. Только наоборот.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Весьма рада вашему визиту, Алексей Александрович.

КАРЕНИН. Лидия Ивановна, в прошлую нашу встречу...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Боюсь, мы не поняли друг друга в прошлую встречу.

КАРЕНИН. Как вы правильно это выразили.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Но то – в прошлом.

КАРЕНИН. Благодарю вас, Лидия Ивановна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. С чем же вы пожаловали нынче?

КАРЕНИН. Большею частью загладить свою вину.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я принимаю ваш порыв. Вы же помните слова о щеке и кафтане? Пусть это будет моим кафтаном для вас.

КАРЕНИН. Благодарю вас.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Смеею заметить, Алексей Александрович, что ваш внешний вид немного беспокоит меня. Вы не больны?

КАРЕНИН. Я чуть устал. Дело о инозем... последнее дело трудно дается мне.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я буду настаивать, чтобы вас осмотрел доктор.

КАРЕНИН. Я весь в вашей власти.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вы бесценный для России человек, и я настаиваю на этом ради России.

КАРЕНИН. Я все сделаю, как вы скажете.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Тогда не станем откладывать это в долгий ящик – я пошлю за доктором прямо сейчас.

КАРЕНИН. Как вам угодно.

Лидия Ивановна звонит в звонок. Появляется Лакей.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Пошли за доктором.

ЛАКЕЙ. Слушаю с.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И пусть поторопятся. Алексей Александрович нехорош.

ЛАКЕЙ. Слушаю с.

Уходит.

КАРЕНИН. Право мне неловко от вашей заботы, графиня.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это забота более о судьбе России. А доктор чудесный и живет рядом. А пока предлагаю китайского чаю.

КАРЕНИН. С удовольствием.

Лидия Ивановна наливает чай.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Китайский чай чрезвычайно полезен при утомлениях. Не понимаю, почему его не дают рабочим. Все как один беспрестанно говорят о производительности труда, а решить китайский чай для рабочих не могут. Если бы вы в комитете подняли этот вопрос, думаю, он бы решился положительно.

КАРЕНИН. В ближайшее время я постараюсь это поднять.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И что еще хорошее в китайском чае, что он не требует сахара. Не каждый рабочий может позволить себе сахар, ведь так?

КАРЕНИН. Вы правы, графиня.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вы сейчас сами убедитесь в его силе.

Протягивает Каренину чашку. Каренин делает глоток. Кивает.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Чувствуете прилив сил?

КАРЕНИН. Чувствую...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вот. А они никак не признают его пользу. Прямо как заговор ей богу.

КАРЕНИН. Я хотел вас спросить, Лидия Ивановна...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Никаких секретов от вас, Алексей Александрович... Чай мне привез один знаменитый путешественник. Вот вам его брошюра. Убедительно прошу прочесть. Человек весьма интересный и нужный.

Протягивает Каренину брошюру. Каренин принимает брошюру, начинает листать.

КАРЕНИН. Я непременно прочту.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Весьма все интересно.

КАРЕНИН (*кивает*). Я вас еще одно хотел спросить, Лидия Ивановна...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Что же вы хотели спросить?

КАРЕНИН. Я заметил, что вы все больше нынче городской житель. Город утомляет. Бываете ли вы нынче на даче в Петергофе?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Почему вас это интересует?

КАРЕНИН. Не то, чтобы... но... город утомляет... И... Анна Аркадьевна... она изъявила желание... я вынужден был уступить ей... А вы у нас в соседстве и...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вы предлагаете мне сделаться шпионкой за ней?

КАРЕНИН. Что вы?! Как можно? Анна Аркадьевна не нуждается... Но ей может потребоваться некоторая помощь...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Помощь в чем же?

КАРЕНИН. Дачная жизнь непроста... Тяжела...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Боюсь, ее дачная жизнь весьма беззаботна. А помощницей или, правильной сказать, сообщницей ей удачно выступает княгиня Бетси...

Входит Лакей.

ЛАКЕЙ. Доктор пришли-с.

КАРЕНИН. Уже?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Пригласи.

КАРЕНИН (*торопливо*). Лидия Ивановна...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я не желаю иметь никаких сношений с вашей женой.

КАРЕНИН. Я более беспокоюсь за сына...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А присутствие ребенка рядом... вы знаете, как я могу это назвать, я считаю преступным.

Каренин хочет что-то возразить, но тут входит доктор.

ДОКТОР. Как рад, Лидия Ивановна, что не забываете обо мне.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Дело срочное, доктор. Вот наш пациент.

Каренин покорно кивает. Доктор раскрывает чемодан.

ДОКТОР. Ну-с. Раздевайтесь, голубчик.

КАРЕНИН. В другой раз было бы удобнее...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Об этом не может быть и речи. Раздевайтесь.

ДОКТОР. Раздевайтесь...

Лидия Ивановна и доктор стоят над Карениным, словно на допросе. Каренин расстегивает крючки сюртука. Умоляюще глядит на Лидию Ивановну.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Раздевайтесь, Алексей Александрович. Теперь уж вам не открутиться.

КАРЕНИН (*вдруг отыскав козырь*). Я не могу при вас.

Застегивает крючки.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*покраснела*). Право, что же это я. Доктор, осмотрите его хорошенько. Это бесценный для России человек.

Направляется к выходу.

ДОКТОР. В лучшем виде, графиня. В лучшем виде.

Лидия Ивановна выходит.

ДОКТОР. Ну-с, голубчик.

Каренин снимает сюртук. Доктор оглядывает его неспортивный торс.

ДОКТОР. Не Самсон! Далеко не Самсон.

Каренин складывает руки на груди, пытаясь прикрыть выпирающий живот и дряблую грудь.

ДОКТОР. Сахару много едите?

Каренин кивает.

ДОКТОР. Вот и результат. (*Щупает руку Каренина.*) Бицепса-то и не сыскать. А дамам, голубчик, им бицепсы да трицепсы подавай. С дамами у вас как?

КАРЕНИН (*отстраняется от оцупываний доктора*). Ваши вопросы я нахожу неуместными.

ДОКТОР. И зря-с, голубчик. Мужское здоровье целиком и полностью завязано на половой сфере. Тут вам и сердце, и любые сосуды в мозгу. Все подчинено этой сфере. Так довольна ли вами жена?

КАРЕНИН (*хватает сюртук, одевается*). Моя жена всем довольна...

ДОКТОР. Нынче этим не каждый может похвастаться.

КАРЕНИН. Не вижу надобности этим хвастаться.

ДОКТОР. Напротив, мужская сила на то и дана, чтобы выпячивать ее. Вот, допустим, возьмем рога у оленя или быка... Чего же вы оделись?

КАРЕНИН. Потому как я вам не олень и не бык...

Выходит.

ДОКТОР. Куда же вы, голубчик?

Каренин быстрым шагом идет по коридору.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Алексей Александрович...

Каренин, не оборачиваясь, выбегает из дома графини.

КАРЕНИН (*себе под нос*). Это надо решить...

Глава 10

Гостиница. Номер Степана Аркадьича. Каренин сидит на краешке стула. Видно, что ему неловко. Степан Аркадьич растирает полотенцем мохнатый торс.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Ну вот я и готов тебя слушать, дорогой зять.

КАРЕНИН. Я пришел поставить вас в известность, что начинаю дело развода с вашей сестрой, моею женой.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Нет, Алексей Александрович, что ты говоришь!

КАРЕНИН. Это так.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Извини меня, я не могу и не могу этому верить...

КАРЕНИН. Да, я поставлен в тяжелую необходимость требовать развода.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Я одно скажу, Алексей Александрович. Я знаю тебя за отличного, справедливого человека, знаю Анну – извини меня, я не могу переменить о ней мнения – за прекрасную, отличную женщину, и потому, извини меня, я не могу верить этому. Тут есть недоразумение...

КАРЕНИН. Да, если б это было только недоразумение... Но я поставлен в положение, когда даже визит доктора неприятен мне. Это выше моих сил.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Позволь, я понимаю. Но, разумеется... одно: не надо торопиться. Не надо, не надо торопиться!

КАРЕНИН. Я не торопился, а советоваться в таком деле ни с кем нельзя. Я твердо решил.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Это ужасно! Я бы одно сделал, Алексей Александрович. Умоляю тебя, сделай это! Дело еще не начато, как я понял. Прежде чем ты начнешь дело, повидайся с Анной, поговори с ней.

КАРЕНИН. Боюсь, я не вижу...

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Ради бога, поговори с ней! Сделай мне эту дружбу, умоляю тебя!

КАРЕНИН. Не полагаю, что это нужно ей.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Нужно, Алексей Александрович, дорогой! Нужно! Тем лучше, что сегодня скачки, и она там будет. Я беру тебя с собою и все решу о вашей встрече. Сделай мне дружбу.

КАРЕНИН. Что же за скачки?

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Офицерские скачки с препятствиями. Но нам разве они важны? Я все решу о вашей встрече. Едем?

КАРЕНИН. Это сейчас нужно решить?

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Сию же минуту. Я в самый раз готовился ехать.

КАРЕНИН. Мне необходимо обдумать это.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Никаких обдумываний, дорогой зять! Едем немедленно.

Одевается, выводит Каренина из номера. Идут по коридору.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Уверен, что тут есть недоразумение, и весьма надеюсь на положительный исход в его разрешении. Анна – прекрасная женщина и не могла дать повода усомниться в этом.

КАРЕНИН. Иной раз я думаю, что это только наваждение. Я прежде никогда не испытывал такого. Словно с ума сошел.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Поверь мне, эти твои мысли самые верные.

КАРЕНИН. Если это так, то как ей простить меня.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Анна, способна простить, дорогой зять. И простит...

КАРЕНИН. Мне ужасно стыдно перед ней...

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Прочь стыд. Если бы я не говорил бы себе это всякий раз, как поддаюсь очередному дурману, то давно бы сгорел.

КАРЕНИН. Что же я скажу ей?...

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Язык сам найдет нужные пути. Уж поверь мне, как ни трудно мне было подобрать слова в прошлых моих объяснениях с Долли, но язык сам их и подобрал. А объяснения были весьма неприятные и мне, и ей. А тут – подозрения. Пустяк!

КАРЕНИН. Только ли подозрения?

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Только они, дорогой зять. Ничего не могло быть. Вздор один...

Выходят из гостиницы. Степан Аркадьевич свистит извозчику. У Каренина вид бычка, которого ведут на бойню.

Глава 11

Гипподром. Толпа солдат. Кипящие народом беседки. Степан Аркадьич и Каренин пробираются к месту своего назначения. Анна сидит в беседке с княгиней Бетси.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Вот она!

Идут к Анне. Каренин держится за спиной Степана Аркадьича.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Сестра, ты божественна. Позволь поцеловать твою ручку.

Целует Анне руку.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Гляньте, с кем я!

Отходит в сторону, демонстрируя Каренина.

БЕТСИ. Алексей Александрович! Вот номер. Вы не скачете?

КАРЕНИН. Моя скачка труднее.

БЕТСИ. В чем же ваша скачка?

Степан Аркадьевич жестом показывает Каренину, что еще рано говорить о деле.

КАРЕНИН. Дела комитета...

АННА. Ты очень мил, что приехал.

Степан Аркадьевич делает Каренину одобряющий жест. Каренин целует Анне руку.

КАРЕНИН. Как Сережа? Вырос ли?

АННА. Я рядом, потому трудно замечать такое.

КАРЕНИН. Должен вырасти. Дети быстро растут.

Анна машинально трет то место, куда Каренин поцеловал ее.

БЕТСИ. Вот уж не думала увидеть вас на скачках, Алексей Александрович. Что такое могло вас в этом привлечь?

КАРЕНИН. Спорт, по моему мнению, имеет большое значение...

БЕТСИ. Никогда не замечала, что вы близки спорту.

КАРЕНИН. Безобразный спорт кулачного боя или испанских тореадоров есть признак варварства. Но специализированный спорт есть признак развития.

БЕТСИ (*с иронией*). Вы, как всегда, чрезвычайно умны, Алексей Александрович...

КАРЕНИН. Не нахожу мои слова...

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Княгиня, пари! За кого вы держите?

БЕТСИ. Мы с Анной за князя Кузовлева.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Я за Вронского. Пара перчаток.

БЕТСИ. Идет!

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Дали!

Толпа зрителей поднялась со своих мест. Анна схватила бинокль, устремила взгляд вдаль. Лицо ее бледно и строго. Каренин смотрит на неё.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ (*Каренину*). Не время.

Каренин не отвечает. Смотрит на Анну, она следит за одним из скачущих. Вдруг оборачивается на Каренина.

АННА. Что тебе?

Каренин отворачивается.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Смотрите! Кузовлев ваш упал, княгиня!

БЕТСИ. Это разве Кузовлев?

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. А кто же еще! Еще один! Вот и скачки! Просто свалка! Вронский упал! Это Вронский упал?

БЕТСИ. Вронский...

Анна вскочила с места. На её лице ужас. Толпа бежит к упавшим.

СТЕПАН АРКАДЬИЧ. Вот свалка!

Бежит в сторону скакавших. Бетси бежит за ним.

АННА. Пойдемте туда!

КАРЕНИН. Пойдемте, если вам угодно.

Протягивает ей руку. Анна отворачивается от руки.

АННА. Стива! Стива!

*Пытается выйти из беседки, но Каренин стоит у нее на пути.
Теперь они в беседке одни.*

КАРЕНИН. Я еще раз предлагаю вам свою руку, если вы хотите идти.

АННА. Нет, нет, оставьте меня, я останусь.

Садится.

КАРЕНИН. Как хотите. Мы можем быть здесь. (Тоже сел.) Как, однако, мы все склонны к этим жестоким зрелищам...

АННА (пытается разглядеть упавших в бинокль). Что? Я не понимаю...

КАРЕНИН. Я должен сказать вам, что те мысли в отношении вас, которые я смел высказывать прежде...

АННА. Я не хочу вас слышать.

КАРЕНИН. Я приехал объяснить и намерен это сделать. Те мысли вдруг стали мне казаться наваждением, но видя отчаяние, которое вы не умели скрыть при падении одного из ездоков...

АННА. Что вам до этого?! Он там, а вы тут!

КАРЕНИН. Мои мысли...

АННА. Ваши мысли правильные!

КАРЕНИН. Я могу ошибаться...

АННА. Нет, вы не ошиблись. Вы не ошиблись. Я была и не могу не быть в отчаянии. Я слушаю вас и думаю о нем. Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу вас...
Делайте со мной что хотите.

Каренин сел, кивнул.

АННА. Вы довольны? Более того, я беременна его ребенком. Выпустите меня.

КАРЕНИН. Я принес вам деньги на расходы.

АННА. Мне не надо ваших денег. Выпустите меня.

Каренин сдвинул ноги в сторону. Анна выскочила из беседки, побежала к упавшим. Каренин долго глядит перед собой, потом поднимает бинокль. Разглядывает в него свои ноги. Рот его искажается как у ребенка, внезапно зашибшего колено, но глаз за биноклем не видно.

Глава 12

Дача Карениных. Комната Анны. Каренин роется в ящике письменного стола. Входит Анна. Видно, что она только вернулась со скачек.

АННА. Что вам нужно?

КАРЕНИН. Письма вашего любовника.

Анна подходит к столу, быстро затворяет ящик.

АННА. Их здесь нет.

Каренин отталкивает ее, хватая из стола портфель. Анна пытается вырвать портфель.

АННА. Это не то!

Каренин снова толкает ее.

КАРЕНИН. Сядьте!

Анна садится.

КАРЕНИН. Надеюсь, ваш любовник сломал шею?

Берет со стола карандаш и ломает его.

АННА. Этой новой черты – жестокости – я не знала еще в вас.

КАРЕНИН. Вы называете жестокостью то, что муж всячески старается удержать жену. Это жестокость?

АННА. Это хуже жестокости, это подлость, если уже вы хотите знать!

КАРЕНИН. Нет! Подлость? Если вы хотите употребить это слово, то подлость – это бросить мужа, сына для любовника и есть хлеб мужа!

АННА. Вы не можете описать мое положение хуже того, как я сама его понимаю...

КАРЕНИН. Ваше положение? Не думаю, что вам интересно мое положение. Положение, когда даже визит доктора... Вы растоптали меня и теперь говорите о своем положении. Я ли поставил вас в это положение? А в мое поставили меня вы со своим любовником. Но теперь я приму меры, чтобы положение это кончилось...

АННА. Скоро, скоро оно кончится и так...

Слезы выступили у нее на глазах.

КАРЕНИН. Не пытайтесь разжалобить меня. Оно кончится скорее, чем вы придумали со своим любовником! Вам нужно удовлетворение животной страсти...

АННА. Алексей Александрович! Я не говорю, что это невеликодушно, но это непорядочно – бить лежачего.

КАРЕНИН. Да, вы только себя помните, но страдания человека, который был вашим мужем, вам не интересны. Вам все равно, что вся жизнь его разрушилась, что он пеле... пеле... пелестрадал.

АННА. Перестрадал. Способны ли вы...

Каренин зло посмотрел на нее.

КАРЕНИН. Вы будете иметь известие о моем решении чрез адвоката, которому я поручу дело развода. Сын же мой переедет к сестре...

АННА. Вам нужен Сережа, чтобы сделать мне больно? Вы же не любите его... Оставьте Сережу.

КАРЕНИН. Да, я потерял даже любовь к сыну, потому что с ним связано мое отвращение к вам. Но я все-таки возьму его. Прощайте!

Анна встает у него на пути.

АННА. Алексей Александрович, оставьте Сережу! Я более ничего не имею сказать. Оставьте Сережу до моих... Я скоро рожу, оставьте его!

КАРЕНИН. Вы недостойны жалости...

Отталкивает ее и выходит. Слышны рыдания Анны. В коридоре стоит Сережа. Сжимает в руках кочергу.

СЕРЕЖА. Ты зачем ее щипал?

КАРЕНИН. А! Молодой человек! Идите к себе.

СЕРЕЖА. Вы зачем ее щипали?

КАРЕНИН. Это с меня оципали все перья, молодой человек.

СЕРЕЖА. Просите прощения сейчас же.

КАРЕНИН. Я, Сережа, только в том виноват, что стар и далеко не Самсон. Я только в том виноват, что сомневаюсь. Я только в том виноват, что не сочный и сильный, Сережа...

СЕРЕЖА. Чего же она плачет?

КАРЕНИН. Я не знаю, Сережа, я не знаю.

Пошел по коридору мимо Сережи. Сережа глядит ему вслед.

Глава 13

Приемная комната адвоката. Старушка, молодая купчиха и три господина ожидают приема. Входит Каренин, подступает к помощнику.

ПОМОЩНИК. Что вам угодно?

КАРЕНИН. Я имею дело до адвоката.

ПОМОЩНИК. Адвокат занят.

КАРЕНИН. Не может ли он найти время?

ПОМОЩНИК. У него нет свободного времени, он всегда занят... Извольте подождать.

КАРЕНИН (*протягивает карточку*). Так не потрудитесь ли подать мою карточку?

Помощник берет карточку, долго разглядывает ее, идет за дверь. Каренин тайком оглядывает посетителей. Выходит помощник.

ПОМОЩНИК. Сейчас выйдут...

Садится за стол, пишет. Выглядывает нарядный, как жених, адвокат.

АДВОКАТ. Пожалуйста...

Каренин проходит в приемную. Адвокат садится на председательское место. Указывает Каренину на кресло.

АДВОКАТ. Не угодно ли?

Каренин садится, и в это самое мгновение адвокат резким шлепком бьет моль. Каренин вздрагивает, удивленно смотрит на руки адвоката.

КАРЕНИН. Прежде чем начать говорить о моем деле, я должен заметить, что дело, о котором я имею говорить с вами, должно быть тайной.

АДВОКАТ. Я бы не был адвокатом, если бы не мог сохранять тайны, вверенные мне. Но если вам угодно подтверждение...

КАРЕНИН. Вы знаете мою фамилию?

АДВОКАТ. Знаю вас и вашу полезную деятельность, как и всякий русский.

Снова звонко ловит моль. Каренин вздрагивает.

АДВОКАТ (разглядывает останки моли на руке). Ну же...

Каренин, тоже смотревший на эту руку, поднимает глаза.

КАРЕНИН. Я имею несчастье быть обманутым мужем и желаю законно разорвать сношения с женою, то есть развестись, но притом так, чтобы сын не оставался с матерью.

АДВОКАТ (*очень неразборчиво*). Прелюбодеяние?

КАРЕНИН. Что?

АДВОКАТ. Вы желаете моего содействия для совершения развода?

КАРЕНИН. Да, именно, но должен предупредить вас, что я не рискую злоупотребить вашим вниманием. Я приехал только предварительно посоветоваться с вами. Я желаю развода, но для меня важны формы, при которых он возможен.

АДВОКАТ. О, это всегда так и это всегда в вашей воле.

КАРЕНИН. Хотя в общих чертах наши законоположения об этом предмете мне известны, я бы желал знать вообще те формы, в которых на практике совершаются подобного рода дела.

АДВОКАТ (*неразборчиво одновременно хлопнув моль*).

Зачем это, она и так скоро умрет... (*Разборчиво.*) Вы желаете, чтобы я изложил вам те пути, по которым возможно исполнение вашего желания.

Каренин следит за его руками, кивает.

АДВОКАТ. Развод по нашим законам возможен, как вам известно, в следующих случаях: (Загибает пальцы.) физические недостатки супругов, затем безвестная пятилетняя отлучка, затем прелюбодеяние... прелюбодеяние... Подразделения этого следующие: физические недостатки мужа или жены, затем прелюбодеяние мужа или прелюбодеяние жены. Прелюбодеяние жены. Это взгляд теоретический, но я полагаю, что вы сделали мне честь обратиться ко мне для того, чтоб узнать практическое приложение. И потому, руководствуясь antecedентами, я должен доложить вам, что случаи разводов все приходят к следующим: физических недостатков нет, как я могу понимать? и также безвестного отсутствия?..

КАРЕНИН. Нет.

АДВОКАТ. Что же мы имеем в остатке?

Глядит на Каренина. Делает рывок за молью, но не ловит.

АДВОКАТ. Так что же мы имеем в остатке?

Каренин молчит.

АДВОКАТ. А имеем мы – прелюбодеяние одного из супругов и уличение преступной стороны по взаимному соглашению и, помимо такого соглашения, уличение невольное. Должен сказать, что последний случай редко встречается в практике. Самое обычное и простое, разумное, я считаю, есть прелюбодеяние по взаимному соглашению. Я бы не позволил себе так выразиться, говоря с человеком неразвитым, но полагаю, что для нас это понятно.

КАРЕНИН. Тут только один случай возможен – уличение невольное, подтвержденное письмами, которые я имею.

АДВОКАТ. Извольте видеть.

Каренин дает ему письма. Адвокат с легкой ухмылкой изучает.

АДВОКАТ (читает). «Я не могу не помнить того, что есть моя жизнь. За минуту этого счастья...». Прелестно. Ровно Тристан и Изольда. Или как вам это: «Ни я, ни вы не смотрели на наши отношения как на игрушку, а теперь наша судьба решена»...

КАРЕНИН. Простите...

АДВОКАТ. Простите.

КАРЕНИН. Я могу полагать, что при подобных уликах совершение развода возможно.

АДВОКАТ. Возможно все, если вы предоставите мне полную свободу действий.

КАРЕНИН. Я даю вам свободу действий.

АДВОКАТ. Очень хорошо с. Я сделаю все в лучшем виде.

КАРЕНИН. Сообщите мне о движении...

Направился к выходу.

АДВОКАТ. Однако стоит подождать, и дело решится само...

Пришлепнул моль. Каренин обернулся. Адвокат почтительно поклонился. Каренин машинально поклонился и вышел.

Глава 14

Дом Каренина. Накрыт стол для ужина. Каренин ужинает в одиночестве. Входит лакей.

ЛАКЕЙ. Две телеграммы принесли, ваше превосходительство. Подать или после?

КАРЕНИН. Подай.

Лакей идет с телеграммой.

КАРЕНИН. Прочти сам.

ЛАКЕЙ (*читает*). «Алексей Александрович, сообщаем вам о назначении Стремнова...»

КАРЕНИН. Эту брось.

Лакей убирает телеграмму.

КАРЕНИН. Прямо брось. Кого бог хочет погубить, того лишает разума. Если они не видят, что губят свой престиж этим назначением, то следует бросить. Потому – брось.

ЛАКЕЙ. На пол?

КАРЕНИН. На пол.

Лакей аккуратно бросает телеграмму.

КАРЕНИН. И наступи на нее ногою. Все пошлое и вредное нужно топтать незамедлительно. А преступное следует уничтожать и не давать более шансы. Наступи на нее ногою, чего стоишь.

Лакей наступает на телеграмму.

КАРЕНИН. Другая в том же роде? Читай...

ЛАКЕЙ. Эта, ваше превосходительство, от... Анны Аркадьевны...

КАРЕНИН. Туда же ее.

Лакей роняет телеграмму.

КАРЕНИН. Стой. Что она?

Лакей поднимает телеграмму.

КАРЕНИН. Читай.

ЛАКЕЙ. «Умираю, прошу, умоляю приехать. Умру с прощением спокойнее».

Каренин усмехается.

КАРЕНИН. Читай еще.

ЛАКЕЙ. «Умираю, прошу, умоляю приехать. Умру с прощением спокойнее».

КАРЕНИН. Что им надо от меня?

ЛАКЕЙ. Не могу знать, ваше превосходительство.

КАРЕНИН. К чему они ведут?

Лакей жмет плечами.

КАРЕНИН. Я уже все забыл. Для меня никого нет. И что же они?.. Что там с ней? Болезнь родов?

ЛАКЕЙ. Не могу знать, ваше превосходительство.

КАРЕНИН. Не сказано?

ЛАКЕЙ. Ничего более.

КАРЕНИН. Болезнь родов, видимо... С Сережей такое было. И что я могу тут решить? Я не доктор... Что там еще сказано?

ЛАКЕЙ. Ничего.

КАРЕНИН. Не может такого быть. Дай.

Лакей дает телеграмму. Каренин читает.

КАРЕНИН. А кто принес?

ЛАКЕЙ. Человек ихний.

КАРЕНИН. Здесь?

ЛАКЕЙ. Ушел.

КАРЕНИН. Почему же отпустили?

ЛАКЕЙ. Ответу не требовал, вот и отпустили.

КАРЕНИН. Вот и отпустили... Такие дела решать надо. Болезнь родов у нее, думаю, а вы отпустили.

ЛАКЕЙ. Не могли знать.

КАРЕНИН. Карету прикажи подать.

ЛАКЕЙ. Слушаюсь, ваше превосходительство.

Пошел.

КАРЕНИН. Стой.

Лакей оборачивается.

КАРЕНИН. Про болезнь родов что знаешь?

ЛАКЕЙ. Ничего не знаю, ваше превосходительство.

КАРЕНИН. Дурак ты потому что. Иди.

Лакей выходит. Каренин снова читает телеграмму. Аккуратно складывает ее и, понюхав, кладет в карман.

Глава 15

Дача Карениных. Ночь. Каренин поднимается к двери. Швейцар открывает ему.

КАРЕНИН. Что барыня?

ШВЕЙЦАР. Вчера разрешились благополучно.

КАРЕНИН. Разрешилась?

ШВЕЙЦАР. Так точно, ваше превосходительство.

КАРЕНИН. А здоровье?

ШВЕЙЦАР. Очень плохи. Вчера был докторский съезд, и теперь доктор здесь.

КАРЕНИН. Возьми пальто.

Скидывает пальто. Швейцар вешает его рядом с военным.

КАРЕНИН. Кто здесь?

ШВЕЙЦАР. Доктор, акушерка и граф Вронский.

Каренин замирает при упоминании о Вронском, смотрит на военное пальто. Выходит акушерка в чепце с лиловыми лентами. Каренин видит, что это та же акушерка, что принимала Сережу.

АКУШЕРКА. Слава богу, что вы приехали! Только об вас и об вас...

Берет Каренина за руку, ведет в спальню.

ГОЛОС ДОКТОРА. Дайте же льду скорее!

Вронский сидит у входа в спальню, плачет, закрыв лицо руками. Вдруг подскакивает, с ужасом смотрит на Каренина. Опять садится, втягивает голову в плечи.

ВРОНСКИЙ. Она умирает. Доктора сказали, что нет надежды. Я весь в вашей власти, но позвольте мне быть тут... впрочем, я в вашей воле, я при...

Каренин затыкает уши и входит в спальню. Анна в постели под одеялами. Глаза ее горят, щеки рдеют румянцем.

АННА. Потому что Алексей, я говорю про Алексея Александровича (какая странная, ужасная судьба, что оба Алексеи, не правда ли?), Алексей не отказал бы мне. Я бы забыла, он бы простил... Да что ж он не едет? Он добр, он сам не знает, как он добр. Ах, боже мой, какая тоска! Дайте мне поскорее, поскорее воды! Ах,

это ей, девочке моей, будет вредно! Ну, хорошо, ну дайте ей кормилицу. Ну, я согласна, это даже лучше. Он приедет, ему больно будет видеть ее. Отдайте ее.

АКУШЕРКА. Анна Аркадьевна, он приехал. Вот он!

Анна смотрит на Каренина, но не видит его.

АННА. Какой вздор! Да дайте мне ее, девочку, дайте! Он еще не приехал. Вы оттого говорите, что не простит, что вы не знаете его. Никто не знал. Одна я, и то мне тяжело стало. Его глаза, надо знать, у Сережи точно такие же, и я их видеть не могу от этого. Дали ли Сереже обедать? Ведь я знаю, все забудут. Он бы не забыл. Надо Сережу перевести в угольную и Мериег попросить с ним лечь.

КАРЕНИН. Так надо?

ДОКТОР. Что надо?

КАРЕНИН. Кончается?

ДОКТОР. Мы не знаем.

Анна вдруг видит Каренина.

АННА. Нету, нет, я не боюсь его, я боюсь смерти. Алексей, подойди сюда. Я тороплюсь оттого, что мне некогда, мне осталось жить немного, сейчас начнется жар, и я ничего уж не пойму. Теперь я понимаю, и все понимаю, я все вижу.

Каренин пятится.

АННА. Алексей, поди!

Каренин подходит. Анна хватает его за руки.

АННА. Подожди, ты не знаешь... Пойдите, пойдите... Да, да, да. Вот, что я хотела сказать. Не удивляйся мне. Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та – не я. Теперь я – настоящая, я вся. Я теперь умираю, я знаю, что умру, спроси у него. Я и теперь чувствую, вот они, пуды на руках, на ногах, на пальцах. Пальцы вот какие – огромные! Но это все скоро кончится... Одно мне нужно – ты прости меня, прости совсем! Я ужасна, но мне няня говорила – святая мученица – как ее звали? – она хуже была. И я поеду в Рим, там пустыня, и тогда я никому не буду мешать, только Сережу возьму и девочку... Нет, ты не можешь простить! Я знаю, этого нельзя простить! Нет, нет, уйди, ты слишком хорош!

Толкает Каренина одной рукой, другой – держит. Каренин умоляюще глядит то на доктора, то на акушерку.

КАРЕНИН. Я не могу это!

Вдруг садится на колени. Анна обнимает его голову, гладит. Каренин рыдает.

АННА. Вот он, я знала! Теперь прощайте все, прощайте!.. Опять они пришли, отчего они не выходят?.. Да снимите же с меня эти шубы!

Отталкивает Каренина. Доктор укрывает ее. Входит Вронский.

АННА (*глядит на Вронского*). Помни одно, что мне нужно было одно прощение, и ничего больше я не хочу... Отчего ж он не придет? Подойди, подойди! Поддай ему руку.

Вронский подходит, закрывает лицо руками.

АННА. Открой лицо, смотри на него. Он святой! Да открой, открой лицо! Алексей Александрович, открой ему лицо! Я хочу его видеть.

Каренин отводит руки от лица Вронского.

АННА. Поддай ему руку. Прости его.

Каренин берет Вронского за руки, крепко сжимает их.

АННА. Слава богу, слава богу, теперь все готово. Только немножко вытянуть ноги. Вот так, вот прекрасно. (*Глядит на обои.*) Как эти цветы сделаны без вкуса, совсем не похоже на фиалку. Боже мой, боже мой! Когда это кончится? Дайте мне морфину. Доктор! Дайте же морфину. Боже мой, боже мой!

Вронский снова закрывает лицо. Каренин затыкает уши и выходит из спальни. Сидит на стуле в коридоре. В спальне воцаряется тишина. Выходит доктор.

КАРЕНИН. Кончилась?

ДОКТОР. В беспамятстве...

Из спальни выходит Вронский. Стоит возле Каренина, не зная, что делать дальше. Каренин не смотрит на него. Проходит несколько минут.

ВРОНСКИЙ. Алексей Александрович, я не могу говорить, не могу понимать. Пощадите меня! Как вам ни тяжело, поверьте, что мне еще ужаснее.

КАРЕНИН. Я прошу вас выслушать меня, это необходимо. Я должен вам объяснить свои чувства, те, которые руководили мной и будут руководить, чтобы вы не заблуждались относительно меня. Вы знаете, что я решился на развод и даже начал это дело. Не скрою от вас, что, начиная дело, я был в нерешительности, я мучился, признаюсь вам, что желание мстить вам и ей преследовало меня. Когда я получил телеграмму, я поехал сюда с теми же чувствами, скажу больше – я желал ее смерти. Но я увидел ее и простил. И счастье прощения открыло мне мою обязанность. Я простил совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу

отдать рубаху, когда у меня берут кафтан, и молю бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастье прощения! Вот мое положение. Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света, я не покину ее и никогда слова упрека не скажу вам. Моя обязанность ясно начертана для меня – я должен быть с ней и буду. Если она пожелает вас видеть, я дам вам знать, но теперь, я полагаю, вам лучше удалиться.

Вронский не двигается.

КАРЕНИН. Идите теперь...

Вронский стоит.

КАРЕНИН. Идите...

Вронский идет по коридору. Скрывается за поворотом на лестницу. Каренин оборачивается на то, место, где только был Вронский. Смотрит в пустоту. Долго смотрит. Раздается глухой хлопок выстрела. Каренин отворачивается от источника выстрела. По лестнице вбегают швейцар.

ШВЕЙЦАР. Стрелялся! Граф только стрелялся! В передней! В грудь!

Каренин затыкает уши. Смотрит в пол. Бегут доктор, акушерка, еще люди. Все что-то кричат. Каренин сидит не шелохнувшись. Люди скрываются в передней. Из комнаты выходит Сережа, идет по коридору мимо Каренина. Каренин поднимает на него глаза.

КАРЕНИН. Не надо туда ходить, Сережа.

СЕРЕЖА. Что там такое?

КАРЕНИН. Все такое, Сережа, закончилось...

СЕРЕЖА. Что же закончилось?

КАРЕНИН. Беда закончилась, Сережа, беда...

Прижимает Сережу к себе, плачет.

Глава 16

Дом Карениных. Детская комната. Каренин держит в руках ребенка. Рядом Сережа и нянька.

КАРЕНИН. Вот, Сережа, ты был такой же маленький.

СЕРЕЖА. Не был.

КАРЕНИН. Как же не был?

СЕРЕЖА. А ты был?

КАРЕНИН. Я такое уже не помню, Сережа.

СЕРЕЖА. Я тоже такое не помню.

КАРЕНИН. Почему же ты не помнишь? Тебе нельзя не помнить.

СЕРЕЖА. А я не помню.

КАРЕНИН (*няньке*). Чего она так исхудала?

СЕРЕЖА. Где исхудала?

НЯНЬКА. Я думаю, что кормилица не годится, сударь.

СЕРЕЖА. Где исхудала?

Каренин показывает ему ребенка.

КАРЕНИН. Вон, какая худая. (*Няньке.*) Отчего вы думаете?

НЯНЬКА. Молоко не годится.

СЕРЕЖА. Кислое?

КАРЕНИН. Кислое разве?

НЯНЬКА (*усмехается*). Какое ж кислое – пустое.

СЕРЕЖА. Это какое – пустое?

КАРЕНИН. Так что же вы не скажете?

НЯНЬКА. Кому ж сказать? Анна Аркадьевна нездоровы все.

СЕРЕЖА. Это какое – пустое?

КАРЕНИН. Это, Сережа, когда не сытное.

СЕРЕЖА. Невкусное?

КАРЕНИН. И невкусное.

СЕРЕЖА. Так молоко все невкусное.

КАРЕНИН (*няньке*). Надо доктора попросить осмотреть кормилицу.

НЯНЬКА. Кто ж попросит?

КАРЕНИН. Спит.

СЕРЕЖА. А доктор вкусным сделает?

КАРЕНИН. Ты, Сережа, не шуми слишком. Разбудишь маленькую. Доктор, да, сытным сделает.

СЕРЕЖА. А вкусным?

Ребенок начинает мякать.

КАРЕНИН. Я потом тебе расскажу, Сережа.

Каренин качает ребенка, что-то напевает. Нянька уводит Серезу из комнаты. Каренин качает ребенка, пока тот не замолкает. Каренин опускает его в кроватку. С нежностью смотрит. Нагибается, целует. Входит нянька. Каренин делает вид, что не целовал, а только укладывал.

КАРЕНИН (*шепотом*). Я доктору скажу о кормилице.

Нянька кивает.

КАРЕНИН. Там пришел кто-то?

НЯНЬКА. Княгиня Тверская...

Каренин кивает, на цыпочках выходит из детской. Идет к комнате Анны. Слышит голоса:

БЕТСИ. Если б он не уезжал, я бы поняла твой отказ и его тоже. Но твой муж должен быть выше этого...

АННА. Я не для мужа, а для себя не хочу. Не говори этого!

БЕТСИ. Да, но ты не можете не желать проститься с человеком, который стрелялся из-за тебя...

АННА. От этого-то я и не хочу.

Каренин, кашлянув, входит.

БЕТСИ. А! Я очень рада, что вы дома. Вы никуда не показываетесь, и я не видала вас со времени болезни Анны. Я все слышала – ваши заботы. Да, вы удивительный муж.

КАРЕНИН. Никаких забот нет. Я привычен со времен Серезы. (Анне.) Все не лучше?

АННА. Мне кажется, лучше.

КАРЕНИН. У тебя как будто лихорадочный цвет лица.

БЕТСИ. Мы разговорились с нею слишком. Я чувствую, что это эгоизм с моей стороны, и я уезжаю.

АННА. Нет, побудьте, пожалуйста. Мне нужно сказать вам... (Каренину.) Нет, вам. Я не хочу и не могу иметь от вас ничего скрытого. Бетси говорила, что граф Вронский желал быть у нас, чтобы проститься пред своим отъездом в Ташкент. Я сказала, что я не могу принять его.

БЕТСИ. Вы сказали, мой друг, что это будет зависеть от Алексея Александровича...

АННА. Да нет, я не могу его принять, и это ни к чему не... Одним словом, я не хочу...

БЕТСИ. Она совсем не так сказала, Алексей Александрович. И я полагаю, что именно вы...

КАРЕНИН. Благодарю вас, княгиня, за ваше участие и советы. Но вопрос о том, может ли или не может Анна принять кого-нибудь, она решит сама.

БЕТСИ. Я все поняла. Я пойду.

Каренин поклонился. Бетси поцеловала Анну и вышла. Долгая тяжелая пауза.

КАРЕНИН. Я очень благодарен за твое доверие ко мне. И очень благодарен за твое решение. Я тоже полагаю, что так как он едет, то и нет никакой надобности графу Вронскому приезжать сюда. Впрочем...

АННА. Да уж я сказала, так что же повторять? Не будем никогда говорить про это...

КАРЕНИН. Я предоставил тебе решить этот вопрос, и я очень рад видеть...

АННА. Что мое желание сходится с вашим?

КАРЕНИН. Да, и княгиня Тверская совершенно неуместно вмешивается в самые трудные семейные дела. В особенности она...

АННА. Я ничему не верю, что об ней говорят. Я знаю, что она меня искренно любит.

Помолчали.

КАРЕНИН. Я сейчас пошлю за доктором.

АННА. Я здорова, зачем мне доктора?

КАРЕНИН. Нет, маленькая худа, и говорят, у кормилицы молоко постное.

АННА. Для чего же ты не позволил мне кормить, когда я умоляла об этом? Все равно – она ребенок, и его уморят...

КАРЕНИН. Анна...

Сел на колени, взял ее за руку. Анна не смотрит на него.

КАРЕНИН. Анна.

АННА. Что?

КАРЕНИН. Анна...

Пытается лечь рядом с ней, втискивается на тот краешек кровати, что остался от нее. Анна не двигается, смотрит в потолок.

КАРЕНИН. Анна...

АННА. Я не хочу...

КАРЕНИН. Я немного полежать... Я устал...

АННА. Я не хочу...

Каренин падает с кровати, с трудом поднимается. Смеется. Анна смотрит на него как на дурака.

Глава 17

Зал дворца. Толпа аплодирует. Каренин, ворочая всем тазом и тупыми ногами, выходит вперед. Звучит музыка.

Старичок-генерал вешает ему на грудь «Александра Невского». Каренин улыбается, кланяется. Аплодисменты. Каренин идет обратно. Его хлопают по плечу, жмут руку, пытаются потрогать орден. Каренин держится гордо и величаво. К нему подбегает человек. Вручает записку. Каренин читает. Улыбка сходит с лица Каренина. Он идет через зал, на улицу, садится в карету.

КАРЕНИН. Домой.

Карета трогается. Каренин жадно смотрит по сторонам на протяжении всего пути. Подъезжают к дому, Каренин взбегаем по лестнице, швейцар отворяет ему дверь, заходит следом.

КАРЕНИН. Где барыня?

ШВЕЙЦАР. Уехали... Собрались и уехали...

КАРЕНИН. С кем?

ШВЕЙЦАР. Граф Вронский приезжали.

КАРЕНИН. Куда?! Говори!

ШВЕЙЦАР. В Италию говорили...

Каренин сел, тяжело дышит.

КАРЕНИН. А маленькая что?

ШВЕЙЦАР. С собою взяли.

КАРЕНИН. А...

Тут по лестнице спускается Сережа. Останавливается посреди передней.

СЕРЕЖА. Мама что же надолго уехала?

КАРЕНИН (швейцару). Уйди.

Швейцар уходит. Каренин молчит.

СЕРЕЖА. Чего ты не отвечаешь мне про маму?

Каренин не отвечает, смотрит в пол. Сережа подходит.

СЕРЕЖА. Чего же молчишь? Куда она уехала?

Каренин поднимает на него глаза, полные ненависти.

КАРЕНИН. Ты кто такой, негодник?!

СЕРЕЖА. Я не негодник, я – Сережа.

КАРЕНИН. Ты что же от меня хочешь?! Вы что же от меня хотите?! Вы чего себе надумали?! Вы зачем меня топчите?! Я старик! Я старик! Я старик!

Сережа пятится.

КАРЕНИН. Нет! Не ходи! Подойди! Говори мне!

Сережа замер на месте, его трясет.

КАРЕНИН. Говори мне! Отвечай! Отвечай мне!

Ползет на коленях к Сереже.

КАРЕНИН. Отвечай мне! Говори! Отвечай мне!

Бьет Сережу по щеке.

КАРЕНИН. Отвечай мне! Отвечай мне!

Бьет. Сережа не шевелится, но и не плачет.

КАРЕНИН. Отвечай мне!

Бьет еще. Закрывает лицо руками, рыдает. Сережа обнимает его голову, гладит её.

Глава 18

Дом Каренина. Кабинет. Каренин сидит перед пустым листом бумаги. Покачивается, как в прострации. Входит Лидия Ивановна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я получила вашу записку, друг мой. Я все знаю. Я все слышала. Вы не должны отдаваться горю. Горе ваше велико, но вы должны найти утешение.

КАРЕНИН. Я разбит, я убит, я не человек более! Я поднял руку на сына! Положение мое тем ужасно, что я не нахожу нигде, в самом себе не нахожу точки опоры.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вы найдете опору, ищите ее не во мне, хотя я прошу вас верить в мою дружбу. Опора наша есть любовь, та любовь, которую Он завещал нам. Бремя Его легко. Он поддержит вас и поможет вам.

КАРЕНИН. Я слаб. Я уничтожен. Я теперь ничего не понимаю.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Друг мой, не вы совершили тот высокий поступок прощения, которым я восхищаюсь и все, но Он, обитая в вашем сердце.

КАРЕНИН. Силы человека имеют пределы, графиня, и я нашел предел своих. Целый день нынче я должен был делать распоряжения, распоряжения по дому, вытекавшие из моего нового, одинокого положения. Прислуга, гувернантка, счета... Этот мелкий огонь сжег меня, я не в силах был выдержать. За обедом... я вчера едва не ушел от обеда. Я не мог перенести того, как сын мой смотрел на меня. Он не спрашивал меня о значении всего этого, но он хотел спросить, и я не мог выдержать этого взгляда. Он боялся смотреть на меня ...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я понимаю, друг мой. Я все понимаю. Помощь и утешение вы найдете не во мне, но я все-таки приехала только затем, чтобы помочь вам, если могу. Если б я могла снять с вас все эти мелкие унижающие заботы... Я понимаю, что нужно женское слово, женское распоряжение. Вы поручаете мне?

КАРЕНИН. Я вам поручаю...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Мы вместе займемся Сережей. Я не сильна в практических делах. Но я возьмусь, я буду ваша экономка. Не благодарите меня. Я делаю это не сама...

КАРЕНИН. Я не могу не благодарить.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Но, друг мой, не отдавайтесь этому чувству, о котором вы говорили. Стыдиться того, что есть высшая высота христианина – кто унижает себя, тот возвысится. И благодарить меня вы не можете. Надо благодарить Его и просить Его о помощи. В Нем одном мы найдем спокойствие, утешение, спасение и любовь.

Замолчала. Шепотом молится. Каренин тоже что-то нашептывает в унисон ей. Лидия Ивановна закончила молитву, с решимостью взглянула на Каренина.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Теперь я приступаю к делу. Наперво нужно объявить Сереже главное, и вы должны при этом быть. Далее только в крайнем случае я обращусь к вам. Необходимо пригласить Сережу.

Каренин позвонил в звонок. Вошел лакей.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Пригласите Сергея Алексеича.

ЛАКЕЙ. Как угодно, графиня.

Выходит.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это необходимо объявить, чтобы ничего более не повело к вопросам с его стороны.

КАРЕНИН (*почти испуганно*). Что же вы хотите объявить ему?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вы знаете о том, когда его пригласят, мой друг.

КАРЕНИН. Я не полагаю, что ему правильно знать правду.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Поверьте, образ матери останется для него непорочным.

Каренин хочет что-то сказать, но тут входит Сережа. Стоит у двери.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Здравствуйте, молодой человек.

СЕРЕЖА. Здравствуйте.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Что же вы там встали и не проходите, молодой человек?

КАРЕНИН. Пройди, Сережа.

Сережа проходит, встает посреди кабинета.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вы уже совсем взрослый молодой человек, так?

Сережа жмет плечами.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Необходимо отвечать, а не водить плечом. Это недостойно такого молодого человека.

КАРЕНИН. Ответь, Сережа.

СЕРЕЖА. Я не знаю.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А я вижу, что вы весьма взрослый молодой человек, и потому я буду говорить с вами как со взрослым.

Сережа жмет плечами.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Не нужно водить плечом. Я хочу вас спросить: известно ли вам, что случилось с вашей... маман.

СЕРЕЖА. Она уехала.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это не так, молодой человек. Я хочу вам сказать, что ваша маман не уехала. Ваша маман умерла...

Каренин вздрогнул.

СЕРЕЖА. Как же она умерла?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это, я полагаю, вам сообщит ваш папа. Скажите ему, как это было, Алексей Александрович. Молодой человек должен знать.

Смотрит на Каренина. Каренин шарит глазами по кабинету.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Скажите ему, друг мой.

КАРЕНИН. Ты, Сережа... Я, Сережа... Мама... Маму... Она... поехала когда... Ее задавило поездом, Сережа...

СЕРЕЖА. Каким же поездом ее задавило?

КАРЕНИН. На станции...

СЕРЕЖА. На какой же станции?

КАРЕНИН. Там... (Показывает рукой за окно.) Там станция...

СЕРЕЖА. А как поезд задавить может?

КАРЕНИН. Я, Сережа, не знаю... Как-то может...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А вы, молодой человек, пойдите и подумайте, как поезд может задавить, а после спрашивайте.

СЕРЕЖА. Поезд никак задавить не может.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вы что ли нам не верите?

СЕРЕЖА. Я не знаю...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Но вот идите и подумайте.

Сережа стоит.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Идите, молодой человек.

Сережа, помедлив, выходит.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Уверяю вас, друг мой, он поверил... Но вы заметили, что он едва ли сожалеет об этой утрате. Дети чутко ощущают справедливость...

КАРЕНИН. Это жестоко.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Не более жестоко, чем то, что пережили вы. Доверьтесь мне, Алексей Александрович, это только во благо. Мы должны, обязаны похоронить эту отвратительную женщину даже в наших и его мыслях. Ее более не должно быть. А теперь мы вас поведем лечить от вашего недуга.

КАРЕНИН. Я не болен.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Еще как больны. Но ваш недуг исцелим. Мы едем к Ландо.

КАРЕНИН. Что такое Ландо?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Как, вы не знаете Жюля Ландо, знаменитого Жюля Ландо, ясновидящего? Вот, что происходит от жизни в затворниках: вы ничего не знаете. Ландо был приказчиком в магазине в Париже и пришел к доктору. У доктора в приемной он заснул и во сне стал всем больным давать советы. И удивительные советы. Теперь он здесь и весь свет на него молится. Графиню Беззубову вылечил, и она так полюбила его, что усыновила.

КАРЕНИН. Усыновила?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Усыновила и теперь он не Ландо больше, а граф Беззубов. Но он не любит этого титула и потому для нас он – Ландо, и потому мы едем к Ландо. Собирайтесь, Алексей Александрович.

КАРЕНИН. Я полагаю...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ничего не желаю слышать. Собирайтесь...

Каренин покорно вышел из-за стола. Пошел за Лидией Ивановной.

Глава 19

Пустая зала в доме Ландо. Ландо на стуле сидит в самом его конце. Лидия Ивановна и Каренин входят почти на цыпочках.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*шепотом*). Пойдите и дайте ему руку, друг мой.

КАРЕНИН. Что же я скажу ему?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ему не нужно ничего говорить, он все знает за нас...

КАРЕНИН. Лидия Ивановна...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Идите...

Каренин пошел к Ландо на прямых ногах. Встал рядом. Ландо не глядит на него. Каренин стоит.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Руку... Дайте ему вашу руку...

Каренин оборачивается на нее. Показывает правую, а затем левую руку. Лидия Ивановна показывает левую. Каренин протягивает Ландо левую руку. Ландо не берет. Руки его лежат на коленях, а глаза закрыты.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Подложите... подсуньте...

Каренин подсовывает руку под ладонь Ландо. Ландо хватает пальцы Каренина, тот вздрагивает.

ЛАНДО. Что за вздор! Что за бессмысленный вздор ты говоришь!

КАРЕНИН. Я ничего...

ЛАНДО. Нет, это правда. Что, что правда? Что я умру. Я видела сон.

Каренин бледнеет.

ЛАНДО. Сон? Да, сон. Давно уж я видела этот сон. Я видела, что я вбежала в свою спальню, что мне нужно там взять что-то, узнать что-то, ты знаешь, как это бывает во сне. И в спальне, в углу, стоит что-то. Ах, какой вздор! Как можно верить... И это что-то повернулось, и я вижу, что это мужик с взъерошенною бородой, маленький и страшный. Я хотела бежать, но он нагнулся над мешком и руками что-то копошится там... Он копошится и приговаривает по-французски, скоро-скоро и, знаешь, грассирует: «Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir...» И я от страха захотела проснуться, проснулась... но я проснулась во сне. И стала спрашивать себя, что это значит. И Корней мне говорит: родами, родами умрете, родами, матушка... И я проснулась... Какой вздор, какой вздор!

На минуту замолчал. Каренин начал освобождать руку.

ЛАНДО. Я дурная женщина, я погибшая женщина, – думала она, – но я не люблю лгать, я не переносу лжи, а его, мужа, пища – это ложь. Он все знает, все видит, что же он чувствует, если может так спокойно говорить? Убей он меня, убей он Вронского, я бы уважала его. Но нет, ему нужны только ложь и приличие...

Затих. Каренин с надеждой поглядел на Лидию Ивановну. Она сделала жест, что еще не все.

ЛАНДО. Боже мой! Прости меня! Все кончено. У меня ничего нет, кроме тебя. Помни это.

Ландо отбросил руку Каренина. Тот схватил ее, словно она побывала в кастрюле с кипятком. Ландо открыл глаза.

ЛАНДО. Будет известие... Идите...

Каренин, держась за руку, покорно пошел к Лидии Ивановне.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Что он сказал?

КАРЕНИН. Будет известие.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Что же за известие? Это только сказал?

КАРЕНИН. Будет известие.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это что-то значит...

КАРЕНИН. Будет известие...

Валится в обморок.

Глава 20

*Дом Каренина. Комната Сережи. Сережа сидит за партой.
Каренин против него – за столом.*

КАРЕНИН. Ты гулял сегодня хорошо?

СЕРЕЖА. Да, весело было.

КАРЕНИН. А урок ты выучил?

СЕРЕЖА. Это который урок?

КАРЕНИН. Который я тебе давал.

СЕРЕЖА. Значит выучил.

КАРЕНИН. И рассказать сможешь?

Сережа помолчал.

КАРЕНИН. Так сможешь рассказать?

СЕРЕЖА. Смогу... А который урок?

КАРЕНИН. Тот, что я тебе давал.

СЕРЕЖА. Я не помню, который ты мне давал.

КАРЕНИН. Как же не помнишь? Ты его выучил?

СЕРЕЖА. Выучил, но забыл – который.

КАРЕНИН. А как же ты его выучил, если забыл?

СЕРЕЖА. Я сначала выучил, а после забыл.

КАРЕНИН. Я тебе, Сережа, про Еноха давал, помнишь?

СЕРЕЖА. Про Еноха выучил.

КАРЕНИН. И рассказать сможешь?

СЕРЕЖА. Смогу.

КАРЕНИН. Ну и расскажи раз так...

Сережа качается на стуле.

КАРЕНИН. Что-то не видно, чтобы выучил.

СЕРЕЖА. Я выучил, что Бог забрал Еноха живым на небо...

КАРЕНИН. И что же?

СЕРЕЖА. А почему тогда мама умерла? Она разве хуже Еноха?

Каренин выпрямился.

СЕРЕЖА. Дурные только могут умереть, но хорошие все могут быть как Енох.

КАРЕНИН. Это, Сережа, сложный вопрос.

СЕРЕЖА. В чем же сложный?

КАРЕНИН. В том и сложный, что мы не можем знать, кто дурной, а кто хороший.

СЕРЕЖА. Почему же не можем? Разве мама дурная?

КАРЕНИН. Мама, Сережа, она... не дурная...

СЕРЕЖА. Чего же она тогда умерла?

КАРЕНИН. Потому как умереть и не дурные могут...

СЕРЕЖА. Почему же Еноха живым взяли, а маму не взяли?

КАРЕНИН. Это, Сережа, только Бог решает. Вот для того и нужно писание учить, чтобы заслужить.

СЕРЕЖА. Значит, мама не учила?

КАРЕНИН. Почему же – учила.

СЕРЕЖА. Плохо разве учила?

КАРЕНИН. Полагаю, хорошо учила.

СЕРЕЖА. Чего же не взяли?

КАРЕНИН. Я этого, Сережа, не могу знать.

СЕРЕЖА. Зачем же тогда учить, если не возьмут?

Каренин вздохнул. Тут на счастье Каренина вошла Лидия Ивановна в наряде.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Молодой человек, я украду вашего отца. Алексей Александрович нам надо поговорить.

Каренин поспешно встал.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Пойдемте в кабинет.

Они вышли в коридор.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нам надо поговорить о грустном для вас деле. Я все бы дала, чтоб избавить вас от некоторых воспоминаний, но другие не так думают...

КАРЕНИН. Он только спрашивал о матери, я не знал, что ответить. Вы спасли меня.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я получила от нее письмо. Она здесь, в Петербурге...

Заходят в кабинет.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Она хочет видеть сына.

Каренин помолчал.

КАРЕНИН. Я не полагаю, чтоб я имел право отказать ей.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Друг мой! Вы ни в ком не видите зла!

КАРЕНИН. Я, напротив, вижу, что все есть зло. Но справедливо ли это?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нет. Есть предел всему. Я понимаю безнравственность, но я не понимаю жестокости к вам! Как оставаться в том городе, где вы? Нет, век живи, век учись. И я учусь понимать вашу высоту и ее низость.

КАРЕНИН. Я все простил и потому не могу лишать ее того, что есть потребность любви для нее – любви к сыну...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Но любовь ли это, друг мой? Искренно ли это? Положим, вы простили, вы прощаете... но имеем ли мы право действовать на душу этого ангела? Он считает ее умершею. Он молится за нее и просит бога простить ее грехи... И так лучше. А тут что он будет думать?

КАРЕНИН. Я не думал об этом.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Если вы спрашиваете моего совета, то я не советую вам делать этого. Разве я не вижу, как вы страдаете, как это раскрыло ваши раны? Но, положим, вы, как всегда, забываете о себе. Но к чему же это может повести? К новым страданиям с вашей стороны, к мучениям для ребенка? Если в ней осталось что-нибудь человеческое, она сама не должна желать этого. Нет, я, не колеблясь, не советую, и, если вы разрешите мне, я напишу к ней.

КАРЕНИН. Напишите... Ваше право.

Вышел из кабинета.

Глава 21

Казанский собор. Толпа людей. Только закончилась пасхальная служба. Каренин и Сережа возле колонны. Каренин поправляет на Сереже костюмчик.

СЕРЕЖА. Знаешь, о чем я лишнее, не в счет, помолился?

КАРЕНИН. Откуда ж мне знать. Чтоб учиться лучше?

СЕРЕЖА. Нет.

КАРЕНИН. Игрушки разве?

СЕРЕЖА. Не это. Отличное, но секрет! Когда сбудется, скажу. А ты о чем молился?

КАРЕНИН. Я... Да о чем же я молился?.. Так, как все, и молился.

СЕРЕЖА. А я, как все, и про другое. А ты про другое молился?

Увидел незнакомую икону.

СЕРЕЖА. А это которая икона?

КАРЕНИН. Это...

К ним подходит женщина в платке.

ЖЕНЩИНА. Алексей Александрович, прошу!

Каренин оборачивается – это Анна. Каренин делает шаг в сторону. Смотрит в колонну. Анна садится на корточки за Сережей.

АННА. Сережа!

Сережа оборачивается.

АННА. Сережа! Мальчик мой милый!

СЕРЕЖА. Мама!

Бросается ей на шею. Обнимаются, целуются.

СЕРЕЖА. Я знал. Нынче Пасха. Я знал, что ты придешь. Я молился только про это.

Анна мнет его, плачет.

СЕРЕЖА. О чем же ты плачешь, мама? Мама, о чем ты плачешь?

АННА. Я? Не буду плакать... Я плачу от радости. Я так давно не видела тебя. Я не буду, не буду...

СЕРЕЖА. Вот и папа тут... Папа!

Каренин смотрит в колонну.

АННА. Я знаю, Сережа. Я видела его.

СЕРЕЖА. А ты чего же в этом?

Стянул с нее платок. Поглядел, снова обнял.

СЕРЕЖА. Мама, душечка, голубушка!

АННА. Но что же ты думал обо мне? Ты не думал, что я умерла?

СЕРЕЖА. Никогда не верил.

АННА. Не верил, друг мой?

СЕРЕЖА. Я знал, я знал! А где ты была?

АННА. Я была... Милый, милый Кутик! Ты не забудешь меня?!

СЕРЕЖА. Не забуду...

АННА. Ты...

Прижалась к нему.

СЕРЕЖА. Почему же ты папу не обнимешь?

АННА. Папу я обниму, обниму...

СЕРЕЖА. Вот же он и стоит.

АННА. Да, да.

СЕРЕЖА. Папа! Мама же пришла!

АННА. Потом, потом, Сережа. Сережа, друг мой, люби его, он лучше и добрее меня, и я пред ним виновата. Когда ты вырастешь, ты рассудишь.

Каренин не удержался и глянул на нее.

СЕРЕЖА. Лучше тебя нет!..

АННА. Душечка, маленький мой! Люби его...

Каренин заметил, что к ним идет Лидия Ивановна с куличом. Каренин покашлял. Анна повернула к нему заплаканное лицо.

КАРЕНИН *(не глядя Анне в глаза)*. Лидия Ивановна сейчас будут.

Анна кивнула, вынула два крашеных пасхальных яйца. Одно дала Сереже.

АННА. Возьми это, Кутик. Это мама...

Сережа взял яйцо. Анна встала, протянула второе яйцо Каренину.

АННА. Это вам... Возьмите.

Каренин, не глядя на нее, принял яйцо.

АННА. Прости меня за все. Обещаю, ты меня более не увидишь.

Накинула платок и зашла за колонну. Каренин сделал шаг за ней, но остановился. Сережа заревел. Каренин прижал его к себе. Подошла Лидия Ивановна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вот вы где! А я ищу, ищу... Чего это случилось?

Каренин отворачивается от нее, так как у него мокрые глаза.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Алексей Александрович, что у вас произошло?

КАРЕНИН. Он... ногу ему отдавили при давке.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И что же за беда, молодой человек? Ну отдавили, ну и пройдет. А вы чего же замолкший, Алексей Александрович.

КАРЕНИН. Служба...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да, служба умиротворяет, это воистину. Пойдемте же разговляться, поговели, и Христос с ним.

КАРЕНИН. Мы сейчас будем, Лидия Ивановна...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Жду вас в карете.

Пошла с куличом на улицу, не удержалась, отломил кусочек, сунула в рот.

Глава 22

Дом Каренина. Кабинет. Каренин и Лидия Ивановна пьют кофей.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Хорош был ужин. Вполне хорош, мой друг. Во всей вере для меня самое тяжелое бывает – это посты. И уж сколько грешных мыслей за пост ни прогонишь. Господи, прости. А Сергей Алексеич что-то нынче и невесел, и хмурится все.

КАРЕНИН. То ногу ж ему отдавили...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да он ногу-то и не помнит уже. А хмурится и хмурится все. Но сердце... Я вижу в нем сердце отца, и с таким сердцем ребенок не может быть дурен. Вы что-то тоже сегодня невеселы, Алексей Александрович. Такой праздник, а вы в задумчивости. А у меня новость для вас хорошая в запасе.

КАРЕНИН. Лидия Ивановна, я новостей не хочу...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Поверьте мне, новость весьма хороша... Я бы и раньше, да все Сергей Алексеич рядом.

Каренин, поняв, что за новость, поднял на нее глаза.

КАРЕНИН. В чем же новость?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Новость хороша. Я через своих знакомых развела и узнала, что эти... отвратительные люди кончили свои дела и нынче уезжают. Хороша вам новость?

КАРЕНИН (*безразлично*). Хороша...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Только новость-то не вся, а полновости.

КАРЕНИН. Что же еще?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Сказали еще, что не пожилось им, что она его ревностью измучила, а он и не рад уже, и все сторонится ее теперь, и больше не нужна она ему.

КАРЕНИН. Это их только дело.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это, я понимаю, есть расплата за грех и ту жестокость, которую они для вас сделали. Божья милость, она только на праведников распространяется. И любви только праведники достойны. А то, что они придумали любовью – это лишь безнравственность. Вот вы человек достойный и настоящий. Только такой, как вы, любви и достойны. И то, что эта отвратительная женщина отвергла вашу любовь, говорит, что она недостойна любви вообще...

КАРЕНИН. Всякий достоин.

Пауза.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*тяжело задыхалась*). Всякий достоин, да не всякому дано.

КАРЕНИН. Кому не дано, тот сам виновен.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. В чем же вы виновны?

КАРЕНИН. Во многом виновен. Во лжи виновен. В подлости.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. В чем же подлость ваша?

КАРЕНИН. В малодушии...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нисколько я в вас малодушия не увидела, вы напротив человек большой душевной организации.

КАРЕНИН. Это только в сравнении с другими мелкими душами.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Для меня это не так.

КАРЕНИН. Это ваше право.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. В чем же я виновна тогда, Алексей Александрович? Впрочем, я имею любовь. (Голос ее сильно задрожал.) К вам имею любовь...

КАРЕНИН. Я знаю ваше ко мне отношение и благодарю вас за него.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это другое отношение, что вы знаете. Любовь моя к вам не дружеская...

Каренин поднял взгляд.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Любовь моя к вам самая естественная...

КАРЕНИН. Что же это значит?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Что я вас люблю – значит...

Встала, сделала шаг к Каренину. Каренин тоже встал. Сделал шаг от Лидии Ивановны.

КАРЕНИН. Лидия Ивановна...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вы знаете: я только месяц была замужем.

КАРЕНИН. Прошу вас...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*плачет*). Жизнь прошла... Ничего нет...

КАРЕНИН. Лидия Ивановна...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Сегодня такой праздник, а я люблю вас... Скажите мне.

КАРЕНИН. Лидия Ивановна...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Скажите мне. Я же вам сказала.

Каренин молчит.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Скажите мне.

КАРЕНИН. Я не могу быть для вас... Я не могу любить вас.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну вот, а обвиняли себя в малодушии. Я знаю, почему вы не можете... Я видела сегодня ее и вас видела... Вы были хороши в своей любви к ней. Я видела вас. Я завидовала ей. Если б вы были с ней хороши так с самого вашего начала, то ничего бы не случилось. Поверьте мне.

Молчат.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Надеюсь, наши дружеские отношения сохранятся?

КАРЕНИН. Ничего не изменилось.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я могу и впредь быть вам помощницей?

КАРЕНИН. Я буду только рад.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Тогда, полагаю, это все, что я имела вам сказать.

КАРЕНИН. Я могу пойти?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Идите, мой друг.

Каренин, шатаясь, выходит в коридор, идет вдоль стенки. Останавливается перед комнатой Сережи. Стоит, прислушивается. Тихонько заходит. Сережа лежит в темноте с открытыми глазами, разглядывает подаренное Анной яйцо. Оборачивается на Каренина.

СЕРЕЖА. Папа?

КАРЕНИН (*подходит*). Да, я, Сережа.

Садится на кровать.

КАРЕНИН. Что же ты тут делаешь без свечки?

СЕРЕЖА. Маму смотрю.

Показывает яйцо.

КАРЕНИН. И видно тебе без свечки?

СЕРЕЖА. Мне без свечки виднее. А где твое?

КАРЕНИН. Мое? Мое здесь.

Вынимает из кармана яйцо.

СЕРЕЖА. Покажи.

Каренин дает ему яйцо. Сережа сравнивает их.

КАРЕНИН. А мы даже и в битки не поиграли.

СЕРЕЖА. Без мамы и не поиграли.

КАРЕНИН. Давай сейчас и поиграем.

СЕРЕЖА. А можно мамиными играть?

КАРЕНИН. А почему же нельзя? Она на то и дала.

СЕРЕЖА. Раз на то, тогда поиграем.

Отдает Каренину яйцо. Каренин выставляет его в руке.

КАРЕНИН. Ты вот и бей.

СЕРЕЖА. Почему же я?

КАРЕНИН. Я ж старый совсем, не вижу ничего.

СЕРЕЖА. Совсем не видишь?

КАРЕНИН. Совсем не вижу. Совсем старый.

Сережа смеется. Каренин тоже.

СЕРЕЖА. Вот я сейчас ударять буду.

КАРЕНИН. Ударяй.

Сережа бьет, смотрит на свое яйцо. Каренин ощупывает свое.

КАРЕНИН. Чья же взяла? Твоя взяла – мое поломано.

СЕРЕЖА. И мое поломано. Покажи-ка свое.

Каренин дает яйцо.

СЕРЕЖА. И вправду поломано...

КАРЕНИН. Это, Сережа, значит – победила дружба.

СЕРЕЖА. Кого же победила?

КАРЕНИН. Недружбу. Хочешь, я с тобою лягу?

СЕРЕЖА. Хочу.

Двигается к стенке. Каренин ложится рядом, Сережа укрывает его одеялом. Долго молча лежат.

КАРЕНИН. Ты, Сережа, мне скажи... Ты с мамой больше хочешь или со мною?..

Пауза.

СЕРЕЖА. С двумя чтобы, хочу.

КАРЕНИН. С двумя никак нельзя, Сережа.

СЕРЕЖА. Почему же?

КАРЕНИН. Так Богу угодно.

СЕРЕЖА. Если он с двумя не хочет, то я и отвечать тогда не стану.

КАРЕНИН. Можешь пока и не отвечать. Но потом, Сережа, надо будем мне сказать. Скажешь, Сережа? Потом... Скажешь мне, Сережа...

Серезжа не отвечает. Каренин поворачивается к нему. Серезжа спит. Каренин закрывает глаза.

***

В углу комнаты слышен странный металлический звук. Каренин оборачивается. Там мужик с взъерошенной бородой, маленький и страшный. Он копошится в каком-то мешке, гремит железом.

МУЖИК. Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir... Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir...

Каренин страшно кричит на него.

***

И просыпается. Выскакивает из постели. Серезжа спит, положив руки под щеку. Каренин идет из комнаты, по коридору, вниз, на улицу, в ночь.

Глава 23

Дом Ландо. Спальня. Каренин стоит в дверях. За ним лакей. Ландо сидит на постели.

КАРЕНИН. Прошу вас, сударь. Мне нужно знать...

ЛАНДО. Чего же вы хотите знать?

КАРЕНИН. Мне было известие.

ЛАНДО. Я более не принимаю, я завтра уезжаю в Париж, вы, русские, уничтожили меня своими страстями. Там только просят лечить и сеанс с умершей болонкой, а тут нет ни одной счастливой семьи. Я так более не в силах.

КАРЕНИН. Прошу вас...

ЛАНДО. Зачем вам это?

КАРЕНИН. Это необходимо. Прошу вас, сударь.

ЛАНДО. Хорошо, идите в залу.

КАРЕНИН. Благодарю вас, сударь.

Идут с лакеем по коридорам, лестницам, входят в ту самую залу, где была их первая встреча. Ландо уже сидит на своем стуле. Лакей придерживает Каренина за плечо.

ЛАКЕЙ. Подойдите и дайте ему руку.

КАРЕНИН. Я все знаю...

Лакей отпускает его и выходит. Каренин идет к Ландо уверенным шагом. Вкладывает левую руку в ладонь Ландо. Ландо хватается пальцы.

ЛАНДО. Моя любовь все делается страстнее и себялюбивее, а его все гаснет и гаснет, и вот отчего мы расходимся. И помочь этому нельзя. У меня все в нем одном, и я требую, чтоб он весь больше и больше отдавался мне. А он все больше и больше хочет уйти от меня. Мы именно шли навстречу до связи, а потом неудержимо расходимся в разные стороны. И изменить этого нельзя. Он говорит мне, что я бессмысленно ревнива, и я сама говорила себе, что я бессмысленно ревнива, но это неправда. Я не ревнива, а я недовольна. Но... Если б я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки, но я не могу и не хочу быть ничем другим. И я этим желанием возбуждаю в нем отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе. Если он, не любя меня, из долга будет добр, нежен ко мне, а того не будет, чего я хочу, да это хуже в тысячу раз даже, чем злоба! Это – ад! А это-то и есть. Он уж давно не любит меня. А где кончается любовь, там начинается ненависть. Этих улиц я совсем не знаю. Горы какие-то, и все дома, дома... И в домах все люди, люди... Сколько их, конца нет, и все ненавидят друг друга. Ну, пусть я придумаю себе то, чего я хочу, чтобы быть счастливой. Ну? Я получаю развод, Алексей Александрович отдает мне Сережу, и я выхожу замуж за Вронского. Ну, я получу развод и буду женой Вронского. Что же люди перестанут так смотреть на меня, как они смотрели нынче? Нет. Сережа перестанет спрашивать или думать о моих двух мужьях? А между мною и Вронским какое же я придумаю новое чувство? Возможно ли какое-нибудь не счастье уже, а только не мученье? Нет и нет! Невозможно! Мы жизнью расходимся, и я делаю его несчастье, он – мое, и переделать ни его, ни меня нельзя. Все попытки были сделаны, винт свинтился. Да, нищая с ребенком. Она думает, что жалко ее. Разве все мы не брошены на свет затем только, чтобы ненавидеть друг друга и потому мучать себя и других? Гимназисты идут, смеются. Сережа? Я тоже думала, что любила его и умилялась своей нежностью. А жила же я без него, променяла же его на другую любовь и не жаловалась на этот промен, пока удовлетворялась той любовью. Прикажете до Обираловки? Да. Да! Да! Да!

Каренин видит теперь не залу, а железнодорожную станцию, полную уродливых, наглых и гадких людей. Анна идет сквозь них. Ни один более человек не идет в том же направлении, что она.

ЛАНДО. У Катерины Андреевны, все у нее, ma tante! Девочка – и та, изуродована и кривляется. Да, на чем я остановилась? На том, что я не могу придумать положения, в котором жизнь не была бы мученьем, что все мы созданы за тем, чтобы мучаться, и что мы все знаем это и все придумываем средства, как бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же делать? На то дан человеку разум, чтобы избавиться оттого, что его беспокоит...

Анна идет по перрону.

ЛАНДО. Избавиться от того, что беспокоит. Да, очень беспокоит меня, и на то дан разум, чтоб избавиться, стало быть, надо избавиться. Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что, когда гадко смотреть на все это? Но как? Зачем этот кондуктор пробежал по жердочке, зачем они кричат, эти молодые люди, в том вагоне? Зачем они говорят, зачем они смеются? Все неправда, все ложь, все обман, все зло!..

На станцию въезжает товарный поезд.

ЛАНДО. Настоящие... Настоящие... Настоящие... Боже мой, куда мне? Туда! Туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя.

Анна подходит к краю платформы, глядит на шпалы, присыпанные смешанным с углем песком. Поезд ровняется с нею. Она снимает с руки красный мешочек. Пригнувшись, шагает под поезд.

ЛАНДО. Где я? Что я делаю? Зачем?

Ландо откидывает руку Каренина. Открывает глаза, смотрит на Каренина влажными глазами.

ЛАНДО. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрепала, стала меркнуть и навсегда потухла.

Каренин ничего не может сказать, даже эмоций нет на его лице. Он молча разворачивается и идет из залы. Уходит.

Эпилог

Дом Каренина. Каренин входит в переднюю.

КАРЕНИН. Письма были ли?

ШВЕЙЦАР. Ничего не было. Анну Алексеvну привезли...

КАРЕНИН. Что ли?

*Скидывает на пол пальто. Поднимается в детскую, входит. На кровати спит маленькая девочка. Нянька сидит рядом.*КАРЕНИН. Идите, я побуду.

Нянька выходит. Каренин садится на место няньки. Смотрит на девочку. Долго смотрит.

КАРЕНИН. Зачем же ты, Аня?

Встает на колени, кладет голову рядом с девочкой. И так засыпает.

Конец